

КОЛДОВСКИЕ

МИРЫ

МАРИНА
ЕФИМИНЮК

БЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Колдовские миры Марины Ефиминюк

Марина Ефиминюк

Бедовый месяц

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ефиминюк М.

Бедовый месяц / М. Ефиминюк — «Эксмо»,
2023 — (Колдовские миры Марины Ефиминюк)

ISBN 978-5-04-192033-3

По-моему, выйти замуж за богатого столичного мага – большая удача! Особенно для скромной выпускницы с двумя тетушками и тремя приводами в участок за активную жизненную позицию. Пусть Филипп Торн чуток надменен, но он хорош собой и щедро согласился прихватить в медовый месяц моих родных. Нас ждали две недели семейного отдыха в снегах, горах и на морозном воздухе... Не понимаю, когда все пошло не по плану? И как хорошая идея превратилась в эту бедово-медовую катастрофу?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192033-3

© Ефиминюк М., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Марина Владимировна Ефиминюк

Бедовый месяц

© Ефиминюк М.В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Вилсон всегда считал себя атеистом, но за год службы на Филиппа Торна, мага в шестом поколении, всерьез уверовал. И в бога, и в судьбу, и в святую пятую стихию. Хотя магическая наука давно доказала, что именно этой стихии не существует. Он научился везде находить дурные знаки, предупреждающие о быстрой отставке с самыми отвратительными рекомендациями. И ведь срабатывало!

Сейчас об опасности кричала идеально вычищенная бронзовая ручка на двери в личные покои хозяина. Ее следовало нажать, чтобы войти, но в комнате личного помощника точно не ждало ничего хорошего. Кроме, разумеется, Филиппа Торна. Тот был хорош собой во всех смыслах. Это признавал даже сам секретарь, вообще-то с юного возраста интересующийся исключительно женщинами.

– Вилсон, я слышу, как вы топчетесь под дверью, – прозвучал спокойный хозяйский баритон. – Заходите.

Перехватив покрепче тяжелую кожаную папку, секретарь приоткрыл дверь и проник в покои. В них все говорило о богатстве: сдержанные цвета в интерьере, мебель красного дерева. И высокий мужчина перед напольным зеркалом в полный рост тоже олицетворял богатство.

Как однажды Вилсону сказали, «от мага Торна пахнет старыми деньгами и древней магией». От Филиппа, вообще-то, пахло абсурдно дорогим благовонием. Личный помощник сам его заказывал в парфюмерном ателье на площади Сендан по цене своего ежемесячного жалованья за один флакон. Но в целом он понял, о чем тогда говорил собеседник. Дай бог памяти вспомнить, кто это был...

Точно! Миранда Фарнет! Любовница Торна...

Ей-богу, лучше бы не вспоминал эту ведьму, чтобы не накликать.

– Господин Торн, я знаю, что вы собираетесь в театр, но дело не требует отлагательств.

Филипп посмотрел на него сквозь зеркальное отражение. От ледяных хозяйских глаз хотелось немедленно закопаться под наборный паркет или спрятаться под шерстяной ковер с неброским рисунком.

– Если дело безотлагательное, почему вы молчите? – мягко спросил Торн. – Говорите, пока собеседник готов вас слушать.

Почему-то рядом с этим человеком Вилсон (между прочим, лучший за последние десять лет выпускник юридической академии) начинал чувствовать себя бараном. В смысле постоянно блял, терял связность мысли и заворуженно следовал в ту сторону, какую ему указывали.

Хорошо, что Торн пока не указал ему на дверь дорогого особняка. Жить в этом доме было сплошным удовольствием. В смысле было бы, не живи в нем высший маг. Видимо, дело в энергии, которую излучал этот человек. Он просто стоял перед зеркалом, поправляя запонки, а воздух вокруг него словно бурлил.

– Ваша драгоценная тетушка завтра планирует нанести визит! – выпалил Вилсон, потому что понятия не имел, как озвучить исключительно деликатную проблему, решение которой затягивать больше не следовало.

– Что Марджери забыла в столице?

– Вы не ответили ни на одно ее письмо о женитьбе.

– Что не так с моей женитьбой? – Филипп выразительно заломил левую бровь. – Я же сказал: обряд в декабре, свадебное путешествие на курорт в Эрминские горы – не больше двух недель. Остальное на ее откуп.

– Но невеста... – Вилсон почувствовал, что, подходя к сути вопроса, начинает терять и голос и решимость.

– А с ней какая проблема?

– Как вам сказать...

– Говорите как есть. – Хозяин определенно начал раздражаться, пусть и не допускал досадованных интонаций. Он не любил глупцов. – Сейчас только июль, рановато для предсвадебной истерии. Отправьте ей нюхательные соли.

– Некому посылать!

– Она вернула обручальный браслет?

– Вы еще не выбрали, кто будет носить этот браслет! – в отчаянье воскликнул Вилсон, на секунду зажмурившись.

Повисла страшная пауза. Личный помощник приоткрыл сначала один глаз, потом второй глаз. Впервые за год верной службы он увидел в лице надменного высшего мага, обычно держащего себя так, словно в комнате он самый умный, просто нечеловеческое недоумение.

От этого Вилсон сам чуть не впал в истерику и едва не полез в карман за собственной баночкой с нюхательной солью. Святые заступники, он был готов эту самую соль сжевать!

– Не выбрал что? – на всякий случай уточнил Филипп, видимо, отказываясь верить в неловкость.

– Кого... Невесту, – осторожно поправил секретарь и немедленно протянул трясущуюся в руках папку. – Я взял на себя смелость и забрал из вашего кабинета папку с портретами кандидатов, которую месяц назад прислали от свахи.

Торн коротко кивнул в сторону письменного стола, видимо, смирившись, что без невесты ни в декабре, ни в любой другой месяц не сможет отдать священный семейный долг. Секретарь подозревал, что самый завидный холостяк столицы, может, не отдавал бы его еще лет пятнадцать кряду, но отцовское завещание обязывало.

– У нас десять минут.

– Полагаю, этого будет вполне достаточно! – обрадовался Вилсон и поспешно разложил папку на столешнице, случайно сдвинув в сторону письменный набор из розового мрамора с золотыми жилками.

Без особого интереса Филипп принялся просматривать портреты и скользить быстрым, словно небрежным, взглядом по описаниям. Со стороны могло ошибочно показаться, будто он читал по диагонали. Но Вилсон-то знал, что хозяин оценивал каждую написанную почти каллиграфическим секретарским почерком литературу.

– Позвольте заметить, госпожа Прэйм – дочь королевского советника и обладает сильным магическим даром, – хотя его мнения никто не спрашивал, прокомментировал личный помощник. Они с лакеем поспорили, кого выберет хозяин, и дочка советника значилась в списке Вилсона под первым номером. – В приданое дают золотой рудник и драконью ферму.

– Ни одна драконья ферма не окупит родство с ее отцом, – с равнодушным видом проговорил Торн и, не задержав взгляда, отшвырнул карточку в растущую стопку отбраковки.

Лучше бы Вилсон промолчал и придержал не то чтобы авторитетное мнение при себе, потому что дальше сконфуженный Торн превратился в обычного Торна! Он отвечивал емкие комментарии каждой из красивых образованных девушек, за которыми очередь из женихов, должно быть, строилась от королевского дворца и до часовой башни. Претензии по большей части адресовались родственникам невест.

– Чем вам не угодил Элизбет Сайт? – осознавая, что продул лакею десять крон, неожиданно даже для себя взвыл секретарь.

– Дар как у прачки, и мамаша невыносима. – Торн взял новую карточку и прочел на обороте: – Тереза Вудсток.

С портрета смотрела светловолосая барышня с голубыми глазами. Ничего особенного. Портретист явно поленился ей польстить. Или же попался паршивый мастер, не умеющий создавать представительные миниатюры для ярмарки невест.

– Ох, простите! – испугался Вилсон. – Видимо, сваха положила карточку, чтобы оттенить других кандидатов.

– Помолчите. – Хозяин быстро читал ее анкету.

Секретарь невольно и сам заглянул в бумагу. Двадцать лет, сирота, воспитана родственниками. Летом выпускается из пансиона для девиц из благородных, но разоренных семей, кому не хватало средств на приличное магическое образование. Но по иронии судьбы единственным, что не вызывало сомнений в Терезе Вудсток, был дар.

– Она, – объявил Филипп.

– А?

– Я женюсь на Терезе... Как ее?

– Вудсток.

Маг положил портрет на стол и постучал по нему пальцем, словно вбивая гвозди в холостую жизнь, а заодно и в девичье изображение.

– Свяжитесь с ее родственниками.

Часы на столе подсказали, что выбор безупречной супруги у Торна занял ровно семь минут. Даже чуток осталось времени, чтобы обсудить еще какое-нибудь срочное, но позабытое дельце.

– Но, господин... – пролепетал Вилсон, с ужасом представив завтрашний разговор с мадам Торн. Сам-то хозяин перед ней не появится, отговорится срочными делами и отправит в адское пекло личного помощника. – Девушка воспитывалась тетками. Владеет одним захудалым поместьем в глухой провинции. Из магического образования – курс бытовых заклятий да основы зельеварения. Почему она?

– Не понимаете? – Торн бросил надменный взгляд. – Вилсон, какой женой будет сирота из разоренной семьи?

– Судя по ее образованию, хозяйственной, – с готовностью поделился размышлениями тот и едва не проглотил язык, заметив жалостливый взгляд. Так смотрели на окончательных идиотов или полных кретинов. Ни к тем, ни к другим Вилсон себя не причислял... Как правило.

– Кроткой, послушной и, главное, благодарной по гроб жизни, – заключил Филипп. – Идеальная жена.

Глава 1

Идеальная жена и воз родственников

«Ни о чем не беспокойся!» – говорили они.

«Свадьба будет скромной!» – увещевали они.

«Соберутся только самые близкие друзья и родственники!» – уговаривали они.

Наврали во всем. Или же в друзьях и родственниках моего будущего мужа Филиппа Торна ходила половина столицы. Оценить толпу мне не позволяла густая фата, но гул голосов за спиной недвусмысленно намекал, что центральный храм трещал по швам.

Перед обручальным обрядом тетушки одарили меня всевозможными советами разной степени мудрости и сомнительной практичности. «Не перечь мужу хотя бы до второго ребенка», «не демонстрируй характер в первые сорок лет брака – в женщине должна оставаться загадка», «соглашайся во всем с мужем, пусть думает, что в доме он самый умный». И мое любимое от Лидии: «Почаще улыбайся – мужчинам нравятся прелестные дурочки».

Замуж она ни разу не ходила, знания черпала из любовных романов и считала себя экспертом. Рукодельничала тоже неплохо. Вот и подсказала бы, как проделать незаметные дырочки в слоях кружева перед лицом. Для обзора и доступа к свежему воздуху. Ни того, ни другого мне категорически не хватало.

Но, по всей видимости, на свадьбе невесте полагалось задыхаться и смотреть в светлое будущее. Коль ничего другого вокруг, а не под ногами, разглядеть было невозможно.

– Возлюбленные дети, Филипп и Тереза, перед лицом бессмертных богов и смертных людей наденьте обручальные браслеты! – покончив с бесконечной проповедью о супружеской верности, скомандовал святой отец, но немедленно добавил: – Если у вас есть причины, по которым этот брак невозможен, назовите их сейчас или храните в тайне, пока смерть не разлучит вас.

В храме наступила благоговейная тишина, словно зрители ожидали, что возлюбленные дети начнут, как на духу, каяться в грехах. Дескать, святой брат и уважаемые гости, тут такое дело: невеста во время учебы три раза попадала в участок к стражам за активную жизненную позицию, а жених выбрал ее по портрету от свахи. Безусловно, отказываться от брака ни один из нас не собирался.

Филипп сжал мою руку прохладными, сухими пальцами и надел широкий браслет. Из-под края кружевной завесы, скрывающей лицо до подбородка, я следила, как золотой обруч начал быстро сужаться и неощутимо слился с кожей. От вида поблескивающей полоски на меня напал столбняк. Я действительно вышла замуж!

– Тереза? – с вопросительной интонацией вымолвил Торн, тонко намекнув, что пауза затянулась до неприличия.

В смысле почти вышла замуж. Но тетушки, поди, решили, что невеста хочет просто выйти из храма, и затаили дыхание. Подозреваю, зал тоже застыл в ожидании, что я полностью перестану становиться женой красивого богатого мужчины и предпочту умереть опозоренной старой девой в бедности. Зато с библиотекой любовных романов от тетушки Лидии и десятью миниатюрными драконами. Драконы мне, конечно, очень нравились, но не до такой же степени, право слово!

Опомнившись, я взяла с серебряного подноса широкий мужской браслет. Он легко скользнул на крепкое обнаженное запястье Филиппа и мгновенно сжался.

– Жених, можете поцеловать невесту, – с улыбкой в голосе предложил святой отец.

Тут-то и нахлынуло то самое волнение, которое, по словам Лидии, испытывают абсолютно все нормальные девушки во время свадебного обряда, а у меня оно застряло на подсту-

пах к сознанию. Я нормальная – правда! – просто не выпалась. По-моему, подъем невесты на рассвете надо приравнять к тяжким преступлениям строгим королевским указом.

Муж сделал ко мне уверенный шаг и аккуратно поднял фату. Я уставилась на него широко раскрытыми глазами и забыла, что очень хотела глотнуть свежего воздуха. Филипп Торн по-прежнему был хорош собой, как и те пару раз, что мы виделись после скромной помолвки в моем родном Энтиле.

Впрочем, муж оказался постоянен во всем, не только в привлекательности. На меня тоже смотрел как в прошлые разы. С вежливым интересом. Честно, ничего не имею против, но с похожим интересом при первой встрече он разглядывал Лидию. И дядюшку Рендела. И ветвистые олени рога, тридцать лет висящие над каминной полкой в нашем скромном доме...

Филипп легонько сжал мой подбородок и заставил приподнять голову. Мысли о рогах моментально из головы выветрились, сердце заколотилось, а дыхание перехватило. В глазах чуточку смешалось то ли от нехватки воздуха, то ли от волнения. Я приготовилась нырнуть в наш первый поцелуй!

– Леди Торн?

– Здравствуйте, – выдохнула я остатки кислорода. Хорошо, не хватило на «давно не виделись». Прозвучало бы еще глупее.

В льдисто-голубых глазах новоприобретенного мужа мелькнула тень улыбки.

– Вы восхитительно выглядите.

Он медленно склонился и... прижался мягкими губами к моему лбу.

По храму сначала пробежала судорога восхищенных вздохов, а потом этим целомудренным касанием мы сорвали аплодисменты зрительного зала. Я-то наивно полагала, что страстные лобзания молодоженов – единственное в брачном обряде, ради чего стоило выслушивать напутственную проповедь храмовника. Какие непритязательные до поцелуев люди! Похоже, кроме невесты, больше никто не испытал разочарования.

– Идемте. – Филипп протянул раскрытую ладонь, предлагая взять его за руку. Из-под рукава выглянул край обручального браслета. – Нас ждут.

Сверху, словно из стеклянного купола, грянула органная музыка. Под торжественные раскаты мы повернулись к гостям. От невинного мужниного поцелуя горел лоб, словно в нем светилась звезда. Ей-богу, лучше бы пекло губы!

Как я, прячась под фатой, и подозревала, на венчальный обряд Филиппа Торна съехалось столько аристократов, сколько, поди, не собиралось на летние драконьи гонки. Если вдруг они прямо в храме передерутся за возможность попасть на банкет в королевской оранжерее, то нашу свадьбу точно запомнят надолго. В Энтиле, дядюшка Рендел не даст соврать, каждый людный праздник обязательно заканчивается коллективным мордобоем.

Дядюшка, к слову, стоял в первом ряду, опираясь на трость. Невысокий и коренастый, одетый в щегольской камзол, заказанный у столичного портного. Аккуратно зачесанные волосы ловко скрывали круглую проплешину.

Рядом с ним, прижимая ладонь к пышной груди, растроганно вздыхала тетушка Клементина. Лидию нахальные зрители отеснили в толпу. Я опознала ее по темноволосой макушке, выглядывающей из-за плеча какого-то незнакомого типа с обширными телесами.

Торны, как и положено по старой традиции, многочисленным кланом занимали лучшие места с правой стороны от венчального алтаря. Лично я была знакома только с Марджерии, двоюродной теткой Филиппа. Она единственная из родственников, сохраняющих кислые мины истинных аристократов, изображала сдержанную улыбку.

Внешне мадам была приятной, но отчаянно напоминала мне лимонный сорбет. В смысле она не наряжалась в бледно-желтый колер, да и вообще избегала плебейского желтого цвета в одежде, но так щедро раздавала советы по любым поводам, что неизменно вызывала изжогу. Потом ни одним снадобьем не погасишь.

Вступи такая чрезвычайно энергичная дама в наш Женский клуб по защите магических тварей в дикой природе, мы сразу добьемся, чтобы болотных драконов внесли в книгу исчезающих видов. Но я не имею права обречь подруг на Марджери Торн. Святые заступники не дадут соврать, они не сделали мне ничего плохого!

Позволив гостям полюбоваться на растерянную невесту, у которой, как назло, соскальзывала на затылок тяжелая фата, Филипп увлек меня в длинный проход. Величественные двери храма начали медленно раскрываться. С морозной улицы в венчальный зал ворвался поток ледяного зимнего воздуха и взлохматил лепестки, устилавшие путь к алтарю. Между дверными створками расширялась яркая полоса дневного света, словно действительно открывая ворота в светлое будущее.

Часы до отъезда в свадебное путешествие прошли как в тумане. Я не запомнила никого, кто в королевской оранжерее подходил к нам с Филиппом с поздравлениями. Он держал в руках бокал с игристым вином и отвечал гостям с небрежной надменностью. Мне оставалось улыбаться и украдкой поглядывать на круглые столы, за которыми аристократы набирались дорогим хмелем в честь молодоженов. Очень хотелось булку с корицей, а не вот это все.

– Тереза? – Филипп сжал мой локоть, заставив оторваться от тоскливого созерцания высокой этажерки с маленькими бутербродами. – Нам пора прощаться с гостями и уезжать.

Подождите! Мы же только поздоровались со всеми. Теперь что, по новому кругу? Да мы так до старости из этой оранжереи не выберемся! Если не умрем голодной смертью.

– А поесть невесте и не дали, – едва слышно буркнула я себе под нос, но у мужа оказался на удивление острый слух.

– Что?

Я подняла голову и наткнулась на внимательный взгляд. Впервые с момента знакомства Филипп смотрел на меня не как на пыльные олени рога, а как... на живого оленя с этими рогами.

– Что? – повторила за ним с улыбкой той самой прелестной дурочки, о которой говорила Лидия.

Придурковато улыбаться у меня всегда получалось. Хорошо помогало, когда приходилось торговаться на рынке или объясняться с придирчивым преподавателем по бытовым закланиям в пансионе. С городской стражей опять-таки прекрасно срабатывало. Но не всегда...

– Вы голодны? – мягко спросил он.

Дождалась! Неужели первый человеческий вопрос за сегодняшний день?

– Очень, – с чувством призналась я.

– Поужинаем на борту дракона.

– А что нам мешает здесь поесть? – вырвалось у меня.

– Время.

Зачем только про еду спросил? Мысленно я почти переварила десяток тартелеток с мягким сыром и заела их тончайшими листиками ферзайской ветчины.

– Дракон не успеет в теплые края? – любезно уточнила я.

Да помню – помню! – как тетушка Клементина советовала до самой старости, пока зубы не выпадут, прикусывать язык. Потом просто прикусывать станет нечем, и можно будет шамкать в лицо муженьку правду-матку. Но от голода во мне всегда просыпалась жуткая ворчунья. Клянусь, самой с собой тяжело уживаться!

Губы Филиппа дернулись, словно он пытался сдержать смех.

– Не знаю, что насчет дракона, – совершенно серьезным тоном ответил он, – но будет лучше, если к ночи мы окажемся на месте.

Острая мысль прошла как иголкой. Конечно же! Сегодня нас ждала первая брачная ночь. Я не забыла. Да и как об этом забыть? Просто старалась не думать о том, что идет в довесок к свадьбе.

Как любая прогрессивная девушка с образованием, я знала, из чего состоит мужчина. В смысле, когда на нем не было никакой одежды. По анатомическим атласам. Да и о том, что происходит в супружеской спальне, имела представление. В пансионе от девчонок чего только не слушаешься! Но ведь эта особенная ночь произойдет со мной, а не с соседкой по комнате...

Никогда не считала себя трусихой, однако в животе вдруг завязался крепкий узел. С другой стороны, голод сразу же прошел.

– Тогда пора переодеваться, – пробормотала я и, оглядев украшенный лентами и огоньками зал, кивнула бдящей тетушке Клементине, дескать, нужно собираться в дорогу.

В просторной дамской комнате, уставленной вазами с живыми цветами, сустились две молоденькие горничные. Одна раскладывала на зеркальном столике расчески и благовонные косметические эликсиры для волос. Вторая девушка оглаживала щеткой дорожный костюм, надетый на портняжный манекен. Второй манекен был наряжен в голубой плащ с меховой опушкой.

От мысли, что на новый гардероб пришлось потратить четверть родительского наследства, у меня до сих пор дергалось веко. То правое, то левое. Деньги много лет хранились на счете в королевском монетном дворе на черный день. Может, это какой-то намек Вселенной, что часть этих сбережений пошла на подготовку к замужеству? А я его и не распознала.

– Идите, – отослала горничных тетушка Клементина.

Товарки испуганно переглянулись. Марджери умела навести ужас на белошвеек, доставщиков и всех слуг.

– Но мадам Торн сказала...

– Присылайте эту вашу мадам к нам! – отрезала тетушка.

– Девушки, нас тут трое. Мы справимся, – уверила я и несколько ошалела от того, как те присели в вежливом книксене и безропотно потянулись к выходу. – Благодарю за помощь.

На краю зеркального столика лежал сверток из цветной бумаги, перевязанный красной лентой. Под нее был засунут нарядный конверт с нарисованными от руки цветами.

– Кто это передал?

– Твои бандитки после венчания подходили, – проворчала Клементина. – Придумали тоже: общество по защите диких тварей.

– Магических, – невольно улыбаясь, поправила я.

Повидаться с подругами перед свадьбой не удалось, но было приятно знать, что они действительно приходили в храм.

– Посмотрите, какая довольная! Связалась с дурной компанией и радуется, – фыркнула тетушка. – Ты вышла замуж за уважаемого человека, Тереза. Аристократа, мага в третьем поколении...

– Шестом, – вставила Лидия.

Для нее вопрос родословной был щепетилен. В книгах меньше чем восьмое поколение магов не писали, но она все равно посчитала, что мой муж тянет на главного героя.

– В шестом! – со значением повторила Клементина. – Не смей позорить его фамилию, как позорила фамилию отца.

Пока тетушка сердито вытаскивала припрятанный за диваном маленький дорожный сундучок, я вскрыла конверт. На бархатистой карточке Эвита, бессменная глава нашего клуба, написала знакомым размашистым почерком: «Дорогая Тесса, мы с девушками за тебя искренне рады. Счастья в семейной жизни!»

Под праздничной упаковкой прятался пухлый томик в более чем неприятзательной обложке с названием «Приручение домашних драконов». Видимо, в моем лице отразилось такой силы недоумение, что Лидия не удержалась:

– Что за книга?

Она заглянула мне через плечо.

– Видимо, полезная в хозяйстве, – протянула я и наугад открыла томик на середине.

На картинке красовалась совершенно, абсолютно, просто обворожительно обнаженная пара, слившаяся в тесных объятиях. Оказалось, что под фальшивой обложкой, призванной облапошить окружающих, прятались «Сто фактов о мужчинах и их особенностях».

– Ты права, – восхищенно охнула Лидия, – очень полезная в семейной жизни книга.

– И эта туда же! – проворчала тетушка. – Тереза, возьми булку. С рассвета крошки во рту не было. Эти аристократы сначала голодом мучают, а потом ругаются, что похожа на немощную хмарь.

– Меня называли немощной хмарью? – встrepенулась я, готовая мысленно составлять черный список людей, обругавших невесту на свадьбе.

– Попробовали бы они! – презрительно фыркнула тетушка и вручила сдобную булочку, завернутую в льняную салфетку.

Жевать и избавляться от свадебного наряда одновременно оказалось сложновато. Я отложила еду, о которой весь день мечтала, и мысленно порадовалась. Те самые узлы, что стянулись в желудке при мысли о первой брачной ночи, вызывали тошноту даже при виде румяной булочки. Поверьте, ни одна тарталетка с мягким сыром тоже не прижилась бы.

Без фаты голова показалось очень легкой, а без жесткого корсета, не позволяющего ни вздохнуть, ни ссутулиться, в легкие начал нормально поступать воздух. Не представляю, как модницы ежедневно носят это орудие женских пыток.

От природы я была кудрявая, и утром пряди выпрямили с помощью специальных лосьонов. Чтобы потом завить в локоны. Не очень-то логично, но спорить с «выдающимся», по словам мадам Торн, мастером причесок я постеснялась. Расчесать жесткие волосы оказалось невозможно, так что пришлось просто стянуть на затылке опрятным узлом. Опрятным он был только в моем представлении, безусловно.

– А где теплые ботинки? – озадачилась тетушка, когда подошло время одевания, и вопросительно посмотрела на Лидию.

Та перестала разглядывать картинки в «полезной в домашнем хозяйстве» книге и пожала плечами:

– В горах.

– Что они там делают?

– Уехали вчера вместе с остальным багажом, – доходчиво объяснила Лидия. – Надо было оставить?

У тетушки грозно затряслись длинные тяжелые серьги, а по увядающей от возраста шее пошли красные пятна.

– Не ругайтесь! – примирительно вклинилась я. – Просто поеду в туфлях.

– Да ты до смерти простудишься! – охнула она.

– Переплюнь.

Ей-богу, у меня не было никакого морального права спустить четверть наследства на дорожные шмотки во имя счастливой семейной жизни, а остальную часть – на собственные похороны. Мысль о бездарной растрате родительских денег не даст упокоиться с миром!

– У меня есть теплые чулки, – радостно вспомнила Лидия и с торжествующей миной вытащила из ридикюля чулки в черную и синюю полоску. – Взяла на всякий случай. Смотрите, как удачно!

– Лучше сразу лягу в гроб, – сухо отозвалась я.

– Они же чистые, – не поняла она.

– И полосатые.

– Зато к плащу подходят! – поддержала Клементина.

– Как я в этих чулках перед мужем разденусь? – возмутилась я.

– А зачем тебе перед ним скидывать одежду?

– Тетушка, ты больше тридцати лет замужем. Неужели я должна говорить об этом вслух? Догадайся!

– Да кто ж перед супругом обнажается, дурочка? – всплеснула она руками и немедленно поделилась опытом, нажитым в браке с дядькой Ренделом: – Переоденешься в будуаре и уже выйдешь красивая.

– А так можно? – усомнилась я.

В романах Лидии все происходило по-другому. Герой страстно сдирал с молодой жены одежды, но обязательно оставлял шелковые чулки. Дались им эти чулки! Может, у мужчин какой-то фетиш именно на эту часть женского туалета?

– Так нужно! Не капризничай и надевай. – Тетушка выхватила чулки из рук Лидии и сунула мне. – Не заставляй больную тетку нервничать, а мужа ждать. К ожиданию мужчин надо приучать постепенно, а не сразу после венчания.

То-то дядька с кислым видом по часу сидит в гостиной, пока она собирается, а потом костерит нерасторопное «женское племя».

Едва я облачилась в дорожный костюм и кое-как втиснула ноги в туфли, дверь широко раскрылась. Вместе с гулом голосов в дамскую комнату вихрем ворвалась Марджери.

– Горничные сказали, что вы их выставили!

Резким движением я одернула подол, чтобы – не дай бог! – она не заметила полосатые чулки и не скривилась.

– Мы уже закончили, – заявила Клементина.

Двоюродную тетку Филиппа она невзлюбила с первого взгляда. Выхоленная аристократка средних лет, искренне полагающая, что молоко дают не коровы, а хрустальные графины, мгновенно вызвала в ней изжогу. А когда уж Марджери спросила, зачем дядька Рендел привесил над камином свои рога, стало ясно, что дружбы между будущими родственницами принципиально не случится.

– Моя дорогая, ты прекрасно выглядишь! Говорила же, что этот цвет подчеркнет глаза, а то ты совсем невзрачная, – в своем стиле отвесила она комплимент, от которого хотелось или самой удавиться, или удавить мадам.

– У нашей Терезы прекрасные голубые глаза, – немедленно вставила Клементина.

Глаза у меня были самые обычные, но дурнушкой я себя никогда не считала. Впервые услышала критику в адрес внешности, когда мадам при знакомстве заявила, дескать, я действительно похожа на свой портрет.

Не зная, к чему придаться, если невестка уже полностью готова к отъезду и даже выглядит прилично, Марджери осмотрелась вокруг, заметила на зеркальном столике разложенную салфетку с булочкой и с наслаждением скривилась. Понятия не имею, чем ей не угодили булки.

– Дорогая, ты уже летала на драконе?

– Нет, мадам Торн.

– Тогда не стоит наедаться перед полетом. Вдруг тебя укачивает в воздухе.

– Марджери, не переживайте за мою племянницу, о ней есть кому позаботиться, – пошла в наступление тетушка Клементина и припечатала: – Мы летим в Эрминские горы все вместе.

На секунду у мадам вытянулось ухоженное лицо, но она быстро справилась с дурной новостью и расцвела улыбкой. Очень неприятной, фальшивой улыбкой.

– Хотите сказать, вы и ваша сестра, – она кивнула в сторону Лидии, – отправляетесь на курорт?

– И господин Вудсток, – с мстительным удовольствием добавила тетушка.

– Филипп охотно поддержал их поездку, – слегка приврала я.

– И полностью оплатил! – с торжеством добавила Клементина.

О свадебном путешествии на зимний курорт в Эрминские горы Филипп объявил своеобразно. В начале октября прислал немногословное письмо о поездке и предложил выбрать личную горничную. По портретным карточкам и анкетам.

– Зачем тебе нанимать чужого человека? – заворчала тетушка Клементина, презрительно разглядывающая один из портретов. – Лучше возьми Лидию. Она не сворует драгоценности.

Мы обе знали, что из драгоценностей у меня имелись лишь мамины сережки и папины рубиновые запонки – воровать вообще нечего, но на Лидию мы все равно посмотрели оценивающе. Не обращая на нас внимания, та вдохновенно перечитывала любимый роман и мыслями явно находилась далеко от гостиницы.

– С тобой поеду я! – решительно заявила Клементина.

– И оставишь дядюшку без присмотра?

Теперь мы синхронно повернулись к Ренделу. Уронив голову на грудь, он похрапывал в кресле перед зажженным камином. Совсем скоро этот храп грозился перерасти в медвежий рев и загнать в кухню всех слышащих в этом доме.

– Нет, оставлять его нельзя, – покачала Клементина седеющей головой. – Сбежит на охоту, потом месяц будем по лесам искать. Притащит еще одни рога – клянусь! – я его на эти рога насажу! Придется прихватить Рендела с собой.

– Тогда Лидия обидится и уйдет из дома.

– Может, уже замуж выйдет? – тихо проворчала тетушка. – К ней сватался хозяин скобяной лавки. Такая выгодная партия! У нас бы до старости не было проблем со шпингалетами.

– Он женился пять лет назад, – поморщившись, напомнила я. – Скорее всего, она просто выйдет и оставит нараспашку входную дверь.

– А я всегда хотела побывать в Эрминских горах, – неожиданно прозвучал голос Лидии. Оказалось, что она мечтательно смотрела в стену, затянутую синей тканью. – Говорят, там потрясающие виды. И воздух кристально чистый.

– Ты нас слушала? – осторожно спросила я.

– Но я ведь не глухая, – отозвалась она и снова углубилась в чтение.

На следующий день я отправила Филиппу письмо о том, что вместо компаньонки хочу взять в путешествие родных. Всех троих скопом. И он согласился!

Ну как согласился... В своей обычной манере, то есть чрезвычайно коротко, ответил: «Превосходная идея», – и без лишних намеков оплатил им двухнедельное проживание. Никогда не заподозрила бы в нем внимательное отношение к семье будущей супруги.

Между тем в дамской комнате королевской оранжереи росло напряжение. Пока новоиспеченные родственницы не вошли в азарт и не вцепились друг другу в волосы, я выпалила на одном дыхании:

– Дамы, нам пора выдвигаться!

Не представляю высокомерную мадам Торн, выдирающую кому-то лохмы, но жизнь всегда богаче, чем мы все о ней думаем.

Прощаться с каждым гостем отдельно не пришлось. Оказалось, что не только в добродушном Энтиле всей толпой провожали молодоженов: кричали пожелания, а под ноги бросали монетки. Столичные аристократы тоже не побрезговали старой традицией и, несмотря на холод, высыпали из дверей оранжереи. Правда, без воплей и скабрёзных шуток.

Под широкой лестницей нас дожидался дорогой экипаж с замысловатым гербом на дверце. Следом, нахально портя величавый вид полысевшего к зиме городского дендрария, пристроился простецкий наемный кеб для моих родных. За ожидание вознице доплатили отдельно, так что ради щедрых клиентов он подкатил напрямик к входу.

Филипп, одетый в фасонистое пальто, помог мне забраться в свой экипаж, дал последние быстрые наставления секретарю Вилсону, опрятному, но очень нервному молодому мужчине. Сухо попрощался с Марджери, закутанной в меховое мантио, и обратился к Ренделу:

– Господин Вудсток, по возвращении мы с Терезой непременно нанесем визит.

– Обязательно нанесите! – Тетушка Клементина не дала дядьке открыть рот. – Непременно! Всегда рады. Вы езжайте, господин Торн, а мы сразу за вами.

Наконец Филипп уселся напротив меня, и показалось, что в просторном салоне резко закончилось свободное место. Слуги закрыли дверцу, экипаж тронулся. Звонко застучали по обледелой брусчатке лошадиные копыта.

На улице дозревал короткий зимний день. Холодное солнце блестящим диском скатывалось за припорошенные снегом черепичные крыши. Из каминных труб к полупрозрачному небу уходили мягкие клубы густого дыма. Обогревающие артефакты могли позволить себе не все, так что грели дома дровами и углем.

– Ваша семья не захотела остаться на банкет? – прервал Филипп молчание.

– Они едут с нами.

– Решили проводить вас до воздушного порта?

Тут я по-настоящему напряглась и с подозрением посмотрела на мужа. Он ответил вопро- сительным взглядом.

– Они едут с нами в Эрминские горы, – напомнила я.

– Простите, куда? – переспросил Филипп, словно не расслышал или же не верил своим ушам и хотел бы еще уши Вилсона, чтобы тот подтвердил: никакой ошибки нет.

– В Эрминские горы, – терпеливо повторила я.

– В наше свадебное путешествие? – уточнил он, и в мягком голосе прозвучало подозре- ние, будто его разыгрывают. – Ваши родственники?

– Вы же согласились, – заволновалась я. – Назвали идею взять их с собой вместо горнич- ной превосходной.

– Всех троих?

В салоне повисла нервующая пауза. Нервировала она исключительно меня. Филипп, похоже, переваривал новость, что супружеским отдых будет только отчасти.

Мужчина в неполные тридцать лет может страдать провалами в памяти? Я внимательно пригляделась к мужу, стараясь отыскать в привлекательном лице с аристократическим носом признаки раннего старческого маразма. Признаков не находилось. Стальные глаза смотрели ясно.

– Господин Торн...

– Филипп, – поправил тот.

– Простите?

– Мы теперь женаты, Тереза, – напомнил он, словно присутствовал на венчании в оди- ночку, а меня оповестить о знаменательном событии забыли. – Называть мужа по имени более чем уместно.

Значит, уместно? Святые заступники, меня как будто снова макнули в хорошие манеры на уроках этикета!

Тут я поняла, что пришло время прелестной дурочки. Иначе заговорю, и тетушки с дядюшкой дружно помашут мне рукой, глядя на улетающего в сторону горизонта дракона.

– Филипп...

От милой улыбки свело челюсть. Он заинтересованно вскинул левую бровь. Поверить не могу, что мужчины действительно велись на кокетливые ужимки, а мой представительный супруг ничем от остальных, менее впечатляющих, не отличался!

– Да, дорогая супруга?

Боже! Не дай ни одной резкости вылететь из моего рта. Спасибо! В смысле аминь.

– Ничего не отыграть обратно. Вы уже заплатили за их проживание.

– Неужели? – хмыкнул он.

– Полностью! За всех троих на две недели. – Я набрала в грудь побольше воздуха и проговорила на одном дыхании: – Клянусь, они очень деликатные люди и не доставят никаких хлопот!

Воздух, к сожалению, закончился. Не быть мне ныряльщицей за жемчугом.

Филипп определенно ждал продолжения. Разочаровывать его не стала и приложила все красноречие, чтобы казаться убедительной:

– Тетушка с дядюшкой очень любят свежий воздух и красивые виды. Все время будут гулять. В горах. А Лидия читает! Чтение – тихое и непритязательное занятие. Да вы с ней ни разу за две недели не встретитесь.

– У меня только один вопрос, – вымолвил он, снимая с рукава пальто невидимую ворсинку.

– Какой?

– Кто будет сопровождать вас, когда меня не окажется рядом?

– Лидия может читать на ходу! – ляпнула я. – Прекрасная компания.

– И безмолвная, – в его тоне просквозила ирония.

– Знаете, я люблю провести время в уютном молчании, – соврала как на духу и даже не покраснела. Вернее, покраснела, но раньше. От духоты. – Так что скажете, Филипп? Они могут поехать с нами?

– Но ведь я уже оплатил их проживание.

Я выдохнула от облегчения и поблагодарила:

– Спасибо!

Не ответив, он скрестил руки на груди и отвернулся к окну. Может, вспоминал, в какой момент согласился на всех моих родственников? И вроде договорились, а на душе все равно беспокойно.

– Вы злитесь? – осторожно спросила я, хотя прекрасно знала, что не стоило задавать спорные вопросы, чтобы случайно не получить ответы, которые очень не понравятся.

– Вовсе нет. – Филипп бросил на меня нечитаемый взгляд. – Но личного помощника мне, похоже, пора поменять.

Грядущую отставку Вилсона я никак не прокомментировала и остаток дороги энергично доказывала, что действительно люблю проводить время в молчании. Уютного в нем, правда, ничего не было, по крайней мере, для меня. Больше всего это молчание напоминало длинную натужную паузу, а в нашем случае – почти бесконечную. Одну из тех, что возникают в беседе с плохо знакомым человеком, и приходится лихорадочно придумывать тему для разговора, чтобы как-то скрасить неловкость.

Филиппа, правда, ничего не угнетало. Он о чем-то размышлял. Никак мысленно составлял категоричное письмо с требованием к секретарю собирать вещички.

Через некоторое время за окном появился воздушный порт. Пять мощных взлетных башен стояли вокруг главного здания и были соединены с ним каменными мостами, протянутыми высоко над землей. Над раскрытыми воротами порта светился королевский герб. Въездная площадь походила на муравейник: стояли экипажи, сновали люди и докеры – разнорабочие порта, носильщики толкали тележки с багажом.

На верхушке одной из башен, куда по мосту торопились пассажиры, сидел величественный монстр. Я посчитала, что любопытство вполне вписывается в образ милой дурочки, и с интересом прильнула к оконцу. Дракон дремал. В лучах заходящего солнца на гладком сером теле с костяными наростами по хребту поблескивала крупная магическая сеть.

– Вы летали раньше? – вдруг спросил Филипп.

– Не приходилось, – замороженная зрелищем, покачала я головой.

– Кабины прицеплены к дракону мощными заклятиями, – вдруг принялся он рассказывать о тонкостях драконьих перевозок. – Управляет животным профессиональный маг. В

нашей семье служит один из лучших погонщиков королевства, вам не о чем беспокоиться. Я лично нанимал его на службу.

Спору нет: под руководством лучшего погонщика королевства вмазаться в Сумрачный пик Эрминских гор не так страшно, как с каким-нибудь бытовым магом, по ошибке забредшим в кабину из хозяйственной подсобки.

Минув общественный порт, экипаж остановился напротив каменной башни со святым гербом Торнов на стене. Дожидавшийся полета дракон шурил огромные глаза-блюдца. Длинный шипастый хвост словно пытался обхватить башню кольцом.

У открытых ворот нас встречали две улыбчивые проводницы и тот самый отрекомендованный погонщик, коренастый усатый мужчина средних лет. Пока мы с Филиппом здоровались и принимали поздравления, мое притихшее семейство, демонстрируя удивительную сплоченность, тарасило на огромного монстра, оседлавшего башню. Судя по траурному молчанию, им недоставало позитивной лекции о безопасности драконьих перевозок.

Когда мы поднимались по лестнице, тетушка подхватила меня под локоть и зашептала:

– Если что, в перину на моей кровати защиты сто крон.

– Зачем ты мне это говоришь? – не поняла я.

– Вдруг мы не долетим.

– Полагаешь, в этом случае мне повезет больше всех? – проворчала я, заражаясь ее нервозностью. Не зря говорят, что паника и зевание – вещи коллективные. – Не бойся, Филипп сказал, что у него служит лучший погонщик королевства. Он лично его нанял.

– Ну раз лично, то, безусловно, бояться нечего... – пробормотала она.

– Ты же путешествовала на драконе, – напомнила я.

После каждой ссоры с Ренделом она непременно припоминала ему путешествие на Освейское озеро, до которого им не удалось добраться. В воздушном порту дядька перепутал мосты, они сели не на того дракона и через три часа оказались в северных землях. На следующий день вернулись в Энтил, потратив на обратный перелет отложенные на отдых кроны.

– Да, но Лидия ни разу никуда не летала, – буркнула она. – Смотри, какая испуганная.

Невольно я оглянулась через плечо, проверяя младшую тетушку. Та шла с равнодушным видом, не проявляя ни капли беспокойства.

– Да, – с иронией отозвалась я. – Она точно в ужасе.

Спокойнее ее был разве что Филипп. И Рендел. Не помню, чтобы дядюшка так резво поднимался по ступенькам. Он словно очень торопился усесться в крайне опасный драконий дилижанс, оторваться от земли и провалиться в какую-нибудь глубокую пропасть, чтобы раз и навсегда покончить с надоевшим браком, в котором ему только один раз позволили уйти на охоту.

Через открытые двери мы вошли в кабину, похожую на шикарный салон с удобными глубокими креслами, широким диваном и столиком из красного дерева. На окнах висели портьеры дороже, чем в нашей гостиной. На полу лежал шерстяной ковер.

– Какое счастье, что ты вышла замуж за этого замечательного человека, – прошептала тетушка.

Дорогой интерьер драконьего дилижанса явно делал Филиппа замечательнее, чем он был, прихватив в медовый месяц всех моих родственников. С легкой руки почти разжалованного секретаря. Даже обидно за Вилсона. Хороший же парень, на редкость исполнительный и услужливый. Видать, велели, чтобы невесте ни в чем не отказывал, вот он и не перечил хозяйскому слову.

К счастью, на бормотание Клементины никто не обратил внимания. Мы расселись. Дверь закрыли на засов. Через некоторое время над головой прозвучало громкое змеиное шипение, донесся мягкий шелест, словно дракон расправлял крылья. Кабина задрожала и наконец оторвалась от земной тверди. Огромный тяжелый монстр взлетел с легкостью птицы.

С любопытством я посмотрела в окошко. Башни воздушного порта, засыпанная снегом земля, остроугольные крыши домов, извилистые ленты дорог и экипажи на них начали отдаляться, словно становясь совсем игрушечными.

Неожиданно нас потрянуло. Кресло словно ухнуло подо мной вниз, а все внутренности подпрыгнули. Я схватила Филиппа за руку, спокойно лежащую на соседнем подлокотнике.

– Не бойтесь, – мягко вымолвил он, – просто воздушная яма.

А такие тоже бывают?!

– Помогите, святые заступники, чтобы моя девочка не стала сиротой второй раз, – неожиданно во весь голос помолилась тетушка, выказывая совершенно нехарактерную набожность.

– И вдовой, – для чего-то добавила Лидия.

– А за нас с Терезой кто-нибудь помолится? – тихонечко спросил Рендел.

Филипп выразительно кашлянул. Я немедленно отпустила его руку и повернулась к окну, стараясь слиться с мягкой бежевой спинкой кресла. На том мы и отправились в медовый месяц.

Глава 2

Первая брачная ночь

Эрминские горы встретили нас низким небом и предчувствием скорой снежной сумятицы. Тяжелое облако, скрывающее знаменитый Сумрачный пик, тянулось до самого горизонта, нависало над маленьким, всего в две башни, портом и приглушало чистый белый колер зимнего покрова.

В сероватом воздухе горные пейзажи и снежные склоны особенно потрясающими не выглядели: такие же унылые, как окрестности Энтила или Айрока, где я училась. А уж провинциальная-то зима на редкость безотраднa и меланхолична! Недолгая разноцветная вспышка веселья случалась только один раз, на Новый год.

У ворот нас уже дожидались два экипажа на широких полозьях вместо колес. Один маленький, похожий на расписную шкатулку. Второй побольше, пусть не такой яркий, без цветов и птиц, но в нем точно никто не упрется в противоположную стенку коленями.

Выходило неловко. В двухместной карете ни трое не поместятся, ни мы с Филиппом. У него длинные ноги и распухшее чувство собственной значимости. Такое разве что в просторный экипаж влезет, но тот остался в столице, а аристократическое высокомерие муж привез с собой, как ручную кладь.

Тетюшка начала что-то подозревать, еще когда спускалась по лестнице во взлетной башне, и внимательно поглядывала на улицу сквозь окошки. Не успели мы выйти на морозный воздух, в котором ощущалось приближение снегопада, как она с деловитым видом нырнула в карету побольше, уселась и расправила юбки. Следом забрались остальные, а дядюшка выразительно пристроил на колени дорожный сундучок.

Всем видом дорогие родственники демонстрировали, что из теплого салона их не выкуришь ни укоряющими взглядами, ни тонкими намеками. Впрочем, как и прямолинейной просьбой поменять транспортное средство.

– Господин Торн, – обратился к Филиппу сопровождающий, присланный из гостевого дома, – придется ехать без остановок. Жаль, что ваша супруга не полюбуется на горы со смотровых площадок, но мы можем попасть в снег. Подниматься по серпантину в снегопад – последнее дело.

– Полагаю, моя супруга успеет насмотреться на горы, – сухо отозвался Филипп.

Супруга, скажем откровенно, не считала себя безмолвной табуреткой и очень не любила, когда о ней говорили в третьем лице, но промолчала, как – демоны дери! – та самая табуретка.

Во время полета я из принципа дождалась обещанную еду, без аппетита погоняла по салатным листьям крошечный помидор и уснула как младенец под мерный шелест драконьих крыльев. Проснулась только после прилета и не настолько пришла в себя, чтобы искренне возмущаться пренебрежением мной как личностью думающей. Не сейчас, а вообще думающей.

Однако когда мы уселись в тесный кузовок в лучших традициях городских омнибусов, где обязательно попадался напыщенный индюк, я попыталась отдавить Филиппу ногу. В воспитательных, так сказать, целях. И не дотянулась! Только громко стукнула каблуком.

– Вы замерзли? – вежливо уточнил Филипп.

– Нет, все чудесно.

Я продемонстрировала улыбку прелестной дурочки и тут же ощутила, как с пола начала подниматься теплая волна. Пришлось топнуть еще разок. Воздух стал горячее. Похоже, постукивание прибавляло в салоне температуру.

– Если вам жарко, то постучите по стенке. – Костяшкой пальца Торн тихо постучал по стенке коробка. – Вот так.

Теплый поток мгновенно иссяк. Пол перестал греть и начал стремительно остывать. Ноги в туфлях очень быстро озябли, даже хваленые шерстяные чулки не помогли. С независимым видом я пару раз топнула. Через пять минут запарилась. Не выдержала и снова постучала по стенке, но температура никак не желала налаживаться. Или задыхайся от жары, или коченей от холода.

Подозреваю, что Филипп решил, будто супруга, приехавшая из дикой провинции, никогда не сталкивалась с благами магической цивилизации и просто от любопытства развлекается. Не леди, а бодрая барабанщица!

– Остановитесь, – сдержанно попросил он прекратить безобразие и в два прыжка совершил чудо.

В салоне заструилось приятное, не обязывающее раздеваться тепло, и пол не прожигал подошвы насквозь.

– Спасибо, – пробормотала я и попыталась посмотреть в оконце: едет ли за нами карета с моими родными.

– Они едут, – отозвался Филипп.

– Хорошо, – пробормотала я и поспешно добавила: – Вы очень любезны.

Пусть не думает, что взял в жены неблагодарную сволочь.

Спустя десять минут и два поворота снова сделалось беспокойно. Я поерзала на сиденье и хотела украдкой выглянуть в окошко. Украдкой не получалось, только шею едва не свернула. Оконце было выше моей макушки.

– Посмотрите, пожалуйста, – проблеяла я. – Карета все еще следует за нами?

К чести Филиппа, он действительно проверил:

– Она по-прежнему с нами.

За окном перестали мелькать опрятные домики маленького городка, уютно прижившегося у подножия склона. Потянулась зимняя пустошь, практически окунувшаяся в новорожденный сумрак. Закружились первые крупные хлопья снега, пока еще редкие.

– И теперь?

– Да, – глянув в оконце, ответил он.

Через один поворот и скальный уступ я прошелестела:

– Филипп, мне действительно неловко вас отвлекать от важных мыслей, но... вы не проверите?

– Они с нами.

Видимо, он имел в виду, что незримо, потому как не потрудился удостовериться в наличии второй кареты зорким взглядом в окно.

– Вы это почувствовали внутренним чутьем, господин маг? – сухо уточнила я. – Вы даже не посмотрели.

Удивительно, но он все-таки повернулся и вдруг протянул подозрительное:

– Хм...

– Что? – напряглась я.

– Их нет.

– Как нет?!

Я вывернулась и, прилично толкнув его локтем (по-моему, в челюсть или куда-то еще, но точно не в аристократический нос), встала коленями на сиденье. В просвете заснеженного оконца была видна длинная белая лента дороги и следы от полозьев кареты, уже припорошенные свежим снегом.

– Куда они делись? – встревоженно пробормотала я.

– Они отстали. Мы встретимся с вашими родными в гостевом доме. Сядьте, Тереза, – проговорил он, словно пытался вразумить ребенка.

– Филипп, давай встретимся с ними прямо здесь, – потребовала я, но на сиденье вернулась и одернула юбку. – Если они не приедут к ночи в гостевой дом, я до утра не найду себе места от беспокойства.

Мы встретились глазами. Видимо, намек, что от моего беспокойства ему тоже не найдется места, Филипп очень тонко расслышал. Люблю догадливых мужчин.

– Хорошо.

Не опускаясь до показательного ворчания под нос, он отодвинул заслонку между салоном и кучером. На сдержанную просьбу притормозить сопровождающий, сидящий на козлах, неожиданно взбунтовался:

– Но, господин Торн, начинает выужить! Полозья увязнут. Лошади не сдюжат!

– Ждем, – перебил его Филипп тоном человека, привыкшего, что его приказы слышат и исполняют если не с первого звука, то точно с первого раза. Столько в его мягком голосе прозвучало властности, что даже у меня побежали мурашки.

Второй экипаж никак не появлялся. Филипп приказал возвращаться. По иронии, развернуться удалось только на широкой смотровой площадке, откуда, должно быть, действительно открывался красивый вид на горы.

Через некоторое время наш кузовок остановился. Снаружи донеслись голоса.

– Какое счастье, что вы вернулись! – громко жаловалась Клементина. – У нас тут все сломалось.

– Оставайтесь в карете, – приказал Филипп и выбрался наружу.

Дверца еще не закрылась, а я уже вывалилась на дорогу. Туфли мгновенно увязли в снегу. Отставший экипаж накренился – одна направляющая отскочила. На обочине, завернувшись в плащ, изображала заметенную статую Лидия. Дядюшка с кучером, присев, разглядывали днище кареты. Тетушка что-то энергично втолковывала нашему проводнику.

– Тереза, я просил остаться, – заметил Филипп, как-то ловко скрыв досаду.

– Но я изучала бытовые заклятия, – пояснила я. – Вдруг смогу помочь в починке?

– Вы разбираетесь в устройстве экипажей?

– А вы? – с надеждой спросила я.

– Возьмите своих теток и сядьте в карету, – сухо приказал он тем самым пробирающим до нутра тоном, каким нашему сопровождающему велел остановить экипаж.

Мы кое-как упаковались в тесный салон. Клементина развязала платок, Лидия сидела не шевелясь.

– Ты жива? – тихо просила я у нее.

– Еще не поняла, – промычала она из широкого капюшона.

– Все так неожиданно случилось. Карету вдруг занесло, и полозья отвалились. Кто делает такие непрактичные кареты? – ворчала Клементина. – Но, слава богу, обошлось. Мы живы и здоровы.

– Испугались? – с сочувствием уточнила я.

– Ни в коем случае, – отозвалась она. – Мы знали, что вы вернетесь.

– Она сетовала, что не написала завещание, – заметила Лидия.

Тут дверца отворилась. Мы мигом примолкли и, как три испуганные совы, воззрились на Филиппа, заглянувшего в салон.

– Возвращаемся в город, – оглядев нас, произнес он. – Переночуем на постоялом дворе. Рендел поедет на козлах.

– А проводник?

– На багажной полке.

Невольно вспомнилась жердочка позади кареты, куда привязывали дорожные сундуки. Полагаю, эту поездку наш сопровождающий запомнит надолго.

– Хорошо, – поспешно согласилась я. – А как вы поедете?

Возникла странная пауза. Было очевидно, что места хватило всем, кроме моего мужа. Насколько жестоко заставлял его трусить следом за каретой?

– Господин Торн, тут много места, – немедленно засуетилась тетушка. – Мы сдвинемся.

Очевидно, что Лидию можно размазать по стенке, но высокий плечистый мужчина в тесную коробочку точно не уместится.

– Тереза сядет вам на колени, – нашла Клементина.

Мы с Филиппом переглянулись. И столько в его взгляде было всего невысказанного, что мне самой захотелось бежать бодрой рысцей, глотая летящую из-под полозьев кареты снежную порошку.

– Отличная идея, – с улыбкой поддакнула я, понимая, что иду по самому краю и сейчас мы поскачем на своих двоих всем веселым коллективом Вудстоков. – Скажите, Филипп?

Он ничего не сказал. К счастью. Однако на лице показательно заходили желваки.

Некоторое время мы пытели и словно бы играли в детские пятнашки, пытаясь сложиться так, чтобы вписаться в тесное пространство. Я сидела у мужа на коленях, стараясь не елозить, но капюшон утыкался ему в лицо и мех от опушки лез в глаза. С двух сторон Филиппа подпирала тетушка. Чтобы хоть как-то впихнуться в узкий зазор между женщинами, он вытянул руки и обнял меня за талию. В тишине раздался подозрительный треск. Интересно, у него на спине порвалось пальто?

– Господин Торн, – вдруг проговорила Клементина, – я так вам и не сказала: добро пожаловать в нашу дружную семью.

Да, и сейчас мы все особенно дружны...

– Благодарю, мадам Вудсток, – проскрипел Филипп.

– Скажите, что это отлично, когда вся семья собирается вместе? – не унималась она.

– Определенно.

Я прикрыла глаза. Следовало расслабиться и получать удовольствие, раз ничего изменить невозможно, но почему-то хотелось провалиться под землю.

Уверена, семейные посиделки он представлял иными. Точно не в карете, припертый с двух сторон новоявленными родственниками, а сверху прижатый собственной супругой. Если против второго он, может, не возражал, то Лидия и Клементина в нашем соседстве явно были лишними.

Сумрак за оконцем враз сменился темнотой. Ни в карете, ни за ее пределами было не видно ни зги. Наша маленькая, но гордая коробочка остановилась. Видимо, кучер решил запалить фонарь.

– Простите, дамы, – вымолвил Филипп и попытался ссадить меня с колен.

Ссаживать было особенно некуда, разве что упереть носом в противоположную стенку. Извернувшись загогулиной, я переползла к Лидии. Та не ожидала подленького маневра, крикнула, словно из груди у нее выбили воздух, и что-то прошипела под нос, очевидно, на последнем издыхании. Никак от души посоветовала сесте на диету «хочешь есть, пей воду, милая племянница».

Между тем Филипп приоткрыл дверцу, и в душный салон ворвался веселый поток острого холода. Казалось, что муж сейчас отвесит какое-то важно распоряжение, но он удивил нас всех (меня-то точно). Протянул руку в щель и выпустил с ладони «путеводную звезду», любимое заклятие путников и мореходов. Яркий нахальный огонек взмыл в воздух, озарив снежную круговерть. Дверь захлопнулась. В плачущее от жары окошко пробился призрачный свет, окрасивший наши лица голубоватым мерцанием.

– Благодарю, господин маг, – прогудел возница. – Тогда уж трогаюсь!

– Трогай, – согласился Филипп и втиснулся обратно на сиденье, невольно распахав нас широкими плечами.

Он деятельно смахнул с рукава растаявшие снежинки, а подставить колени, чтобы вернуть дорогую супругу и спасти ее почти сплюсненную тетушку, что-то не поторопился. Всю дорогу мне казалось, будто я сидела не на мужниных коленях, а на раскаленных углях. Да еще вынужденно на них танцевала, когда полозья кареты подскакивали на дорожных колеях. Пересаживаться не хотелось, но Лидию было чисто по-человечески жалко. Пришлось проявить инициативу и переползти самой.

– Простите, господин Торн, – пробормотала я, напрочь забыв, что мужа следовало называть исключительно по имени, иначе люди не поймут. – Пожалуй, вернусь к вам, а то Лидия уже не дышит.

– Конечно, дорогая супруга, – отозвался он, ловко перехватывая меня за талию и снова ныряя лицом в опушку плаща. – Не стесняйтесь и присаживайтесь.

Что-то ты припозднился с приглашением, я уже пристроилась и даже поерзала, устраиваясь поудобнее.

– Господин Торн, а вы можете сделать это место чуть-чуть просторнее? – вдруг высказалась Клементина, наконец признавая тот факт, что мы не просто стеснены, а буквально стиснуты. Полагаю, на эту светлую мысль ее натолкнул мой случайный пинок промокшей туфлей под коленную чашечку.

– Ни к чему, – в обычной манере, словно вокруг все дураки, а только он один самый умный, коротко проронил Филипп.

– Но вы же высший маг, – с некоторой укоризной заметила тетушка.

Высший маг оказался тертым калачом и хитрую манипуляцию мигом просек. Он же не дядюшка Рендел, право слово. Того достаточно оленьими рогами попрекнуть.

– Но мы же не хотим остаток пути пройти пешком, – не изменяя вежливому тону, намекнул Филипп, что, начини он колдовать по-настоящему, наша последняя надежда доехать хоть куда-нибудь уйдет в небытие вместе с каретой. Расписная коробочка просто-напросто развалится на кусочки.

Зато при желании кто-то сможет пристегнуть полозья к ногам и покатиться как на лыжах, помогая себе тростью дядюшки Рендела. Остальным, правда, останется шкандыбать по колено в снегу или использовать сломанные стенки в качестве ледянки под филей и с ветерком донестись до ночлега. Хотя спуски у подножия пологие... Значит, доскрестись пятками, подгребая руками.

И так меня захватила фантазия о муже, перебирающем длинными ногами, чтобы сдвинуться с места на куске деревяшки, что я очнулась, только когда он щелкнул над ухом пальцами. «Путеводная звезда» погасла, но в окошках расплылись пятна фонарного света. Мы все-таки добрались до постоянного двора.

Спасибо, святые заступники, что не на своих двоих и полным составом! Похода по сугробам мои туфли точно не выдержали бы. Не то чтобы я собиралась их носить, но до гостевого дома в горах хотелось бы добраться обутой.

Дверцу кареты раскрыл коренастый бородатый работник в распахнутом тулупе. Когда мы по очереди начали выгружаться под снег и разминать затекшие тела, он по-простому спросил:

– Как же вы туда набились?

Филипп его причитания проигнорировал и с удовольствием размял шею, словно держал жену не на коленях, а усадил прямиком на закорки.

– С трудом, но мы очень упорные, – простучал зубами окоченевший проводник, на пузе съехавший с багажной полки.

По заставленному каретами и заметенному снегом двору с первого взгляда было ясно, что здесь полный аншлаг. Двухэтажное здание светилось всеми окнами. В маленьких домиках для постоя, спрятанных в глубине обширной территории, тоже светились огни. Очевидно, все,

кого непогода застала на подступах к горе, не рисковали забираться дальше и заворачивали на ночлег в гостеприимно раскрытые ворота.

В просторном обеденном зале было многолюдно. Пахло едой, медовухой и копченым мясом. Стоял галдеж. Перед камином, расставив стулья полукругом и вытянув ноги, хмельная компания весьма приличных с виду господ сушила сапоги.

Надолго в шумном вертепе мы не задержались, а следом за хозяином поднялись на второй этаж, куда гвалт доносился непрерывным гулом. Нас развели по разные стороны коридора, освещенного магическими лампами. Видимо, дела здесь шли неплохо, раз владельцы могли позволить дорогостоящее освещение.

Моих родных провожала горничная, а нас с Филиппом повел лично хозяин. Он страшно нервничал, все время оглядывался через плечо, хотя единственный человек, на мой взгляд, кому здесь действительно стоило нервничать, была супруга. Чем, собственно, я и занималась. Активно трусила! От мысли о первой брачной ночи в животе снова завязались крепкие узлы.

– Господин маг, комната для молодоженов! – важно объявил хозяин, распахивая дверь в просторную комнату с большой кроватью, круглым столом у окна и с двумя добротными стульями. – Сейчас принесут ужин.

– Благодарю, – кивнул Филипп, проходя внутрь.

Чувствуя себя так, словно прыгаю в пропасть, я переступила через порог и осмотрелась. Самая обычная комната, чистая и аккуратная. Видимо, специально названная особенной, чтобы польстить высокородному магу с молодой супругой, а заодно накинуть пару крон за проживание.

За спиной тихо закрылась дверь. Ручка толкнула в поясницу, заставив меня сделать несколько мелких шажочков внутрь. Пока я таращилась на кровать, словно впервые видела такой предмет мебели, Филипп успел скинуть пальто и повесить его на деревянную напольную вешалку.

– Почему вы не раздеваетесь? – Он бросил в мою сторону недоуменный взгляд.

Что вот так, с порога раздеваться? Даже едой не покормят, сразу в постель уложат?

– Мне удобно в плаще!

Сам-то этот приткый мужчина успел снять пиджак, вытащил из манжет рубашки запонки с черным опалом и небрежно бросил их на поднос с кувшином воды. Костюмный жилет красиво подчеркивал широкие плечи и узкую талию.

– Не жарко? – любезно уточнил Филипп, словно был и не против, чтобы в первую брачную ночь жена оставалась в полной амуниции. Дескать, чем бы дорогая супруга ни тешилась, лишь бы не упала без чувств от теплового удара.

– Удобно, но жарко, – со вздохом призналась я и нервно дернула завязки на воротах.

Ворот, что не удивляло, крепко стянуло. Пришлось потереть узелок между пальцами и распутать простеньким заклятием. От бытовой магии на бархатистую ткань осыпались затухающие золотистые искорки.

– Я помогу, – произнес Филипп и, встав позади, действительно помог стянуть с плеч тяжелый зимний плащ. – Почему вы нервничаете?

Почему вы стоите так близко, что чувствуете, как я нервничаю?! Но, с другой стороны, Филипп – мой муж, ему по статусу положено. Было бы странно, попытайся ко мне притереться чужой мужик.

– С чего вы решили? Я спокойна, как кирпич! – Стало ясно, что какое-то дурацкое выбрала сравнение и уверила: – Абсолютно спокойна.

– По-моему, вы в ужасе, Тереза. Не бойтесь. Я не причиню вам вреда. – В его голосе вдруг прорезались такие ноты, что по спине взметнулись мурашки и, кажется, зашевелили волосы на затылке.

– Просто на мне полосатые чулки, – ляпнула я быстрее, чем подумала, и тут бы мне заткнуться, но рот вдруг зажил собственной жизнью, а голос, несущий чудовищный бред, словно зазвучал со стороны: – Они совершенно не сексуальные. Вы в курсе, что в таких нельзя появляться перед мужем?

Филипп кашлянул, словно поперхнувшись смешком.

– Уверяю, что ваши... – он запнулся, – полосатые чулки не способны привести меня в трепет.

– В этом-то и проблема! – проворчала я, не смея оглянуться. – Они даже меня не приводят в трепет. Где здесь будуар?

Возникла ошарашенная пауза. Полагаю, произносить на постоялом дворе заграничное слово «будуар» – все равно что громко сквернословить, стоя посреди светской гостиной.

– Здесь есть уборная, – подсказал он.

– Тогда мне надо туда.

Я решительно двинулась к крашеной двери, рванула ее на себя и чуть с деловитым видом не шагнула в пустой стенной шкаф с плечиками на перекладине. Довольно просторный, к слову. Хотя в нем и стаскивай дурацкие полосатые чулки, способные испортить любую брачную ночь, а не только первую.

– Видимо, уборная за другой дверью, – резюмировала я.

– Видимо, – согласился Филипп и с любопытством проследил за торжественным проходом в другой угол комнаты.

Кошмарная планировка! Кому пришло в голову поставить клозет в пяти шагах от супружеского ложа? Никакой логики.

Как последняя трусиха, я закрылась от собственного мужа в туалете и прислонилась спиной к двери.

Святые заступники, пожалуйста, сотрите у меня из памяти последние пять минут жизни. А лучше сотрите у Филиппа! Иначе он до старости будет вспоминать, что в первую брачную ночь жена металась по комнате на постоялом дворе и чуть не вышла в шкаф.

Балансируя на одной ноге, я попыталась стянуть влажный чулок, но начала наклоняться и с грохотом врезалась плечом в медную раковину с горбатым краном. Из него ни с того ни с сего, шипя, полилась вода. Вернее, потекла тонкая струйка, но громкий скрип возмущенных труб, возможно, взбудоражил весь постоялый двор.

– Ну спасибо, тетушка, – прошипела я, пытаясь закрыть вентиль. – Удружила чулки!

– Тереза? – Филипп сдержанно постучал в дверь. – Вы в порядке?

Какой уж порядок, когда я с задранной юбкой, спущенным чулком и с паникой в сознании? Да еще о раковину отшибленная!

– Все прекрасно! – крикнула в ответ. – Дайте мне пять минут.

Но из уборной я не появилась ни через пять минут, ни через десять – пыталась справиться с одеждой и взбешенными чувствами. Проторчала в итоге столько времени, сколько ни одна совесть не выдержит.

Если с чулками было понятно: просушила простеньким заклятием и рассовала по глубоким карманам юбки, то со страхом перед первой брачной ночью справиться не удавалось. Из овального зеркала на меня по-прежнему смотрела не леди Торн, а испуганная девчонка с растрепанными кудрями, освобожденными от многочисленных шпилек.

Скрестив руки на груди, Филипп сидел перед накрытым столом с безнадежно остывшим ужином. Рядом с откупоренной бутылкой вина красовался стакан с плешивой елочной веточкой, украшенной хлипким красным бантиком. Хотелось верить, что муж от скуки не гадал на иголках, как на ромашковых лепестках, вернется супруга из туалета или нет.

Может, уже решил, что я сбежала в метель и предпочла превратиться в снежную бабу. Не в ту, что сказочное тонкокостное создание с серебристыми волосами, приносящее на Новый

год счастье влюбленным, а в волосатую страшную невидаль, по слухам, живущую в пещере у Сумрачного пика. Хрупкие девы в дикой природе без подшерстка не выживают, его приходится активно отрачивать вместе с клыками.

– А вот и я, – объявила с улыбкой. – Я не очень долго?

– Что вы, моя дорогая супруга, – с иронией в голосе протянул он. – Мы никуда не опаздываем.

От тонкого намека в его словах я едва не рванула обратно в уборную, но – ей-богу! – не баррикадировать же дверь от человека, который имел право на некоторый сарказм. С другой стороны, мог бы и войти в положение девушки. Черствый, как прошлогодняя булка, человек!

– А это, – он кивнул, – должно быть, те самые чулки, которые не выпускали вас из будуара?

– Чего? – не поняла я и опустила взгляд.

Из кармана юбки вылезал нос полосатого безобразия. Пришлось с непроницаемым видом, словно и не позорно вовсе, заправить его обратно.

– Хотите поужинать или сразу ляжем? – уточнил муж таким светским тоном, словно предлагал вместе полюбоваться на горные виды.

– Давайте поужинаем, – копируя его манеры, улыбнулась я и приблизилась к столу.

Мы ели в задумчивом молчании. Стараясь отсрочить главное событие этой ночи, я ритмично работала столовыми приборами, пока не почувствовала, что складировать еду просто некуда. Внутрь она не помещается.

– Вы закончили? – уточнил Филипп. Он-то утробу не набивал, обошелся бокалом вина и куском жареного мяса.

– Нет! Интересно, какое на вкус жаркое! – выпалила я, удрученно понимая, что жаркое меня прикончит. – Считаете, оно достойно моего внимания?

– Приятного аппетита, – гостеприимно повел рукой Филипп. – Ни в чем себе не отказывайте.

С большим интересом он следил, как ножом я разрезаю картофелину из жаркого на крошечные кусочки, и медленно тянул вино. На втором ломтике мы с организмом сдались.

– Здесь неплохо готовят, – улыбнулась я, хотя не ощущала вкуса еды и с одинаковым успехом могла заталкивать в себя рыбу, мясо и пшеничную кашу. Все равно не понимала, что именно жую.

– Вам больше не надо в будуар? – спросил Филипп таким вежливым тоном, что сразу и не распознаешь иронию.

– Нет-нет, – уверила я, пряча под крышку стола руки. – Туалет в вашем полном распоряжении.

Когда он скрылся в заветной комнатухе, я опрометью бросилась раздеваться. Проворности, с какой удавалось сдирать с себя одежду, пожалуй, позавидовал бы любой боевой маг. Слышала, они учатся одеваться и раздеваться на время, чтобы в случае тревоги не путаться в пуговицах. Оставшись в тонкой нижней сорочке, я скинула туфли, юркнула в ледяную постель и натянула до подбородка одеяло.

Филипп вышел и неторопливо, без смущения принялся разоблачаться, словно нарочно красуясь под верхним освещением. Белая рубашка прятала крепкий торс со всеми рельефами, которые так любили изображать на картинках в любовных романах. Но в меру! Когда мускулистость приятная, как у атлета, а не чрезмерная, как у боевого мага с прессом, похожим на стиральную доску.

Вообще, сидя за письменным столом, скорее заработаешь опрятный живот, но не крепкое тело. Филипп, поди, занимался каким-нибудь спортом. Но непременно агрессивным, а не миролюбивыми шахматами или унылой спортивной ходьбой. Надо же ему куда-то скидывать раздражение, чтобы потом проявлять почти нечеловеческое терпение к окружающим. Аристо-

кратам, знаете ли, по статусу положено быть сдержанными и не ругаться матом, даже если на ногу острым углом упала толстенная родовая книга.

Когда он, не щадя девичьи чувства, привычным жестом взялся за пояс на брюках, я трусливо зажмурилась. Раздался щелчок пальцами, свет потух. Прозвучали тихие шаги. Под тяжестью мужского тела прогнулся пролежанный матрац.

Дыхание остановилось, сердце застучало не в груди, а где-то в горле. От страха вспотели ладони. Хотелось их аккуратно вытереть о простыню, чтобы не хватать обнаженные мужские тела холодными влажными руками, но от паники каждая мышца в теле одеревенела. Я превратилась в неподвижное бревно.

Рядом растянулся во весь немаленький рост красивый мужчина, на которого было приятно посмотреть со стороны. Однако сегодня меня подвела смелость, и я ничего не рассматривала.

– Спокойной ночи, Тереза, – прозвучал из темноты мягкий голос.

А?!

Ноги, руки и вообще все тело мгновенно вернули подвижность. Что значит это его «спокойной ночи»? Почему мне всегда казалось, что первая брачная ночь беспокойная? Буквально ни минутки свободного времени, пока не срубит сном от изнеможения.

– Что вы там пыхтите? – через паузу тихо спросил Филипп.

– Я не пыхчу, а медитирую.

– Тереза, расслабьтесь, – посоветовал он.

Это вряд ли. Но спасибо за еще один, несомненно, практичный совет. Я запишу его в блокнотик к тем ста штукам, которые уже успела дать тетушка Клементина. Хотя... зачем я сейчас вспомнила про тетку?!

– Я же медитирую, поэтому абсолютно расслаблена.

– Иначе не сможете заснуть, – заметил он.

– И почти засыпаю.

– Поверьте, я искренне чту традиции, но подумал, что у вас, как и у меня, нет желания продолжать род Торнов в дешевой придорожной таверне. Спите.

Ничего себе перевернул! Вроде как из нас двоих именно я жажду немедленно отдать супружеский долг, чтобы, так сказать, отстреляться и успокоиться.

Неожиданно в голове всплыл давний разговор с соседкой по комнате Виреной, просто девчачий треп после того, как она вернулась со свидания. Мы так же лежали в темноте общежитской комнатенки, а она вдруг изрекла:

– Невинность надо терять непременно на шелковых простынях.

– А вы с ним лежали на шелковых простынях? – с восторгом спросила наша третья соседка Кира.

– Нет, – легкомысленно отозвалась та и, отворачиваясь к стене, пробормотала: – Но в следующий раз обязательно.

По всей видимости, Филипп, как мужчина опытный, понимал, что первый раз на то и первый, чтобы оказаться единственным, и тоже яро радел за шелковые простыни.

– А нельзя было предупредить, что мне рано нервничать? – с удовольствием переворачиваясь на бок и засовывая руку под подушку, пробормотала я себе под нос. – Я бы тогда не ела, как в последний раз.

Молчание Филиппа показалось ошарашенным.

– Тереза? – наконец с искренним удивлением вымолвил он.

– Спокойной ночи, дорогой супруг.

Первая брачная ночь у мужа, в отличие от моей, действительно выдалась безмятежной. Даже хотелось специально ему ткнуть локтем куда-нибудь... в ребра, чтобы как будто случайно разбудить и заставить разделить радости бессонницы с переевшей супругой. Но я боролась с

соблазном и старалась лишний раз не шевелиться. Вдруг спросонья Филипп решит, что жена настаивает на продолжении рода Торнов. Возьмет и не откажется от внезапного предложения, даже несмотря на принцип шелковых простыней. Кто знает, какая каша варится в голове у сонных мужчин.

Переполненный постоялый двор постепенно стихал. В коридорах воцарилась зыбкая тишина. Где-то во дворе сначала брехала собака, но быстро сдалась. Заснули, похоже, все. Разумеется, кроме меня. К людям, проглотившим трехдневный рацион за один присест, даже дрема не идет.

Под одеялом было душно. Я осторожно пошевелилась, пытаюсь спасти от онемения руку, и прислушалась к мужчине рядом. Филипп не проснулся. Сразу видно: у человека здоровый сон, не омраченный ни перееданием, ни муками совести.

Ободренная тем, что он ничего не заметил, я маневренно перевернулась на другой бок и неожиданно носом уткнулась в крепкое обнаженное плечо! Этот подлый мужик устроил дерзкую эскападу на мою половину и задрых как ни в чем не бывало, беспечно закинув руку за голову. Словно имел право на весь матрац! Знала бы – нет, не стала теснить его, – сама бы сдвинулась на край кровати. Во избежание, так сказать.

Неожиданно он резко перевернулся. Одеяло, скрывающее все, что было ниже пояса, охотно соскользнуло и продемонстрировало крепкое обнаженное тело с темным покровом на бедрах. Понятия не имею, что снилось дражайшему супругу, но его мужская гордость не отличалась ландшафтной ровностью. Наоборот, бугрилась и показательно натягивала ткань.

Отчасти я понимала, что именно происходило с мужчиной рядом с женщиной, когда он бодрствовал. Но мой-то спал! О том, что некоторые физиологические функции продолжали действовать даже в состоянии мертвецкого сна, в медицинской энциклопедии ничего не говорили. Да даже не намекали!

Вплоть до этого мгновения я искренне верила, что инстинкт размножения засыпал вместе с мужчиной, как и инстинкт говорить гадости или инстинкт реагировать на улыбки престелстных дурочек... Как жить с этим знанием? Да и зачем в таком случае я пролежала дракон знает сколько времени неподвижно, если опасность внезапно оказаться отдающей брачный долг никуда не делась?!

И пока я, сбита с толку внешним несоответствием мужа с энциклопедией, предавалась рефлексии, его ладонь вкрадчиво скользнула по изгибу моей талии. Да там и остановилась.

– Филипп, у вас очень тяжелая рука, – испуганно попыталась я пресечь дерзкое поползновение.

Он категорично накинуд на мои бедра тяжелую ногу, пригвождая к кровати. Хорошо под себя не подмял!

– У вас ноги, как чугунный мост, – посетовала я и поняла, что смогу пережить ночь только после пары глотков успокоительной настойки, а заодно снадобья для желудка.

Кое-как я выползла из-под мужниной ноги. В темноте на ощупь надела туфли, схватила брошенный на вешалку плащ и тихонечко выскользнула за дверь.

В коридоре царил полумрак, магические огни в фигурных светильниках еле-еле теплились. В углах и у пола собрались глубокие тени. Быстренько накинуд на плечи плащ, я двинулась в комнату, где ночевали мои родные. Тетушка Клементина обязательно таскала в дорожном сундуке шкатулку с аптекарскими снадобьями.

С другого конца коридора в заворуженной тишине неслось нечто среднее между рыком умирающего вепря и ревом разъяренного дракона. Дядька Рендел храпел на весь постоялый двор.

Неожиданно куча белья, наваленная на широкий хозяйственный сундук у стены, зашевелилась. Вообще, я никогда не считала себя набожной, но от страха отшатнулась и осенила

грудь святым знаком. Инфернальное создание село, спустило ноги на пол. Привидением оказалась Лидия, завернутая с головой в одеяло.

– Ты что делаешь в коридоре? – изумилась я.

– А ты? – прошелестела она.

В тусклом свете тетушка выглядела взлохмаченной, измученной и очень несчастной. Под глазами темнели круги.

– Иду к вам. Хочу снадобье для сна.

– Господин Торн тоже храпит?

– Нет, просто не спится, – буркнула я, не объясняя же все перипетии нашей с Филиппом первой брачной ночи.

– Понимаю, – вздохнула она. – Ты полна впечатлениями.

Не столько впечатлениями, сколько едой.

– Почему ты сидишь в коридоре, как бедная родственница? – перебила я.

– Слышишь? – тихо спросила она с очень странным видом.

– Что? – решив, что у тетушки слегка подтекла от бессонницы крыша, осторожно уточнила я.

– В отличие от твоего мужа, Рендел храпит. Это невыносимо!

Дома дядюшка спал в отдельной спальне со звуконепроницаемой дверью из специальной древесины. Храпел ночи напролет, никому не мешая.

– Затычки в уши тоже не помогают, – жаловалась Лидия. – Клементина-то заткнула и успела уснуть раньше Рендела, а я решила чуть-чуть почитать и упустила момент.

Неожиданно внизу зазвучали мужские голоса. На лестнице раздались тяжелые шаги. Мы обе встрепенулись. Пока незнакомцы не появились в коридоре, я тихо скомандовала Лидии подниматься и утянула за собой в комнату для молодоженов. Вообще-то, план был просто переждать, когда коридор опустеет, а потом вернуть тетку к родным, но стоило нырнуть в пахнущую едой темноту номера, как Филипп проговорил:

– Вернулись?

Раздался щелчок пальцами. Вспыхнули стенные светильники, и наступила ошарашенная тишина.

Я морщилась от яркого света. Филипп, растянувшийся на кровати во всей полуобнаженной красе, смотрел на Лидию, а та из одеяла вытаращилась на него большими круглыми глазами.

– Госпожа Вудсток, как неожиданно вас встретить в нашем номере, – вымолвил он, вкрадчивым жестом натягивая на нижнюю половину покрывало. – Что вас привело сюда?

– Сюда меня привела Тереза, – честно ответила тетка.

Филипп обратил на меня выразительный взгляд:

– Леди Торн, позвольте вас на минуту.

– Конечно, господин Торн, – покаянно вздохнула я. – Если вам очень хочется поговорить.

– Дайте мне... – он на мгновение прикрыл глаза, словно пытаясь справиться с раздражением, и протянул руку: – одежду.

– Я выйду, – прошелестела Лидия.

– В коридоре небезопасно, – спохватилась я, разрываясь между мужем без порток и Лидией без места для ночлега.

– Тогда просто отвернусь, – предложила она. – Вы не стесняйтесь, господин Торн. Чувствуйте себя как дома.

Честное слово, лучше бы она промолчала и просто отвернулась!

Пока он поспешно облачался, Лидия сосредоточенно изучала горный пейзаж, висящий в рамочке на стене.

Мы с Филиппом вышли из комнаты в прохладный сумрачный коридор. Он прикрыл дверь и тихо спросил:

– Почему вы сбежали, Тереза?

– Не спалось, – покаялась я.

– И вы решили, что лучше не спать в другом номере?

– Хотела взять у тетушки снотворных капель, но наткнулась на Лидию. – Я указала рукой на хозяйственный сундук. – Вы же знаете, как опасно девушке оставаться одной на постоялом дворе.

– Поэтому вы решили составить ей компанию?

– Нет, я хотела ее вернуть к родным, но по лестнице начали подниматься какие-то хмы... подозрительные личности. И мы спрятались в ближайшей комнате. По случайности ближайшей оказалась наша с вами спальня.

– Какое любопытное приключение, – протянул Филипп, и вдруг стало ясно, что он не просто раздражен, а по-настоящему взбешен. Его можно понять: сама ненавижу, когда меня будят среди ночи с какой-нибудь идиотской проблемой. – Тереза, не подумайте, что я предъявляю претензии...

Поздно. Я уже об этом думаю.

– Но вы не находите, что ваших незаметных родственников становится слишком много в нашей жизни?

Какой хороший вопрос! Найти бы на него достойный ответ.

– Просто наша с вами совместная жизнь только-только началась, – в порыве вдохновения я взмахнула рукой, – поэтому их присутствие кажется концентрированным. Потом оно размажется по годам, и вы их перестанете замечать.

– Интересная теория.

– Филипп, умоляю вас: потише! – взмолилась я. – Лидия только кажется оторванной от мира, но у нее очень острый слух. А дядюшка, как назло, чудовищно храпит. Ни одни беруши не помогают. Я использовала бы магию, чтобы решить их проблему, но не обучена таким заклятиям.

– Готов по-родственному лишиться вашу тетку слуха, – ссудил он.

– Какая жестокость, господин Торн! – охнула я.

– Вы предлагаете ее подложить к нам третьей?

– Я к тому, что не надо делать ее полностью глухой! Это негуманно. Но чуток глуховатой, по-моему, уместно. И ей хорошо, и нам тоже... неплохо.

У Филиппа выразительно изогнулась одна бровь. То ли от удивления, то ли от нервного тика.

– Но только на эту ночь! – добавила я. – Иначе мы с утра ее не добудимся.

Как два вынужденных заговорщика, мы тихонечко, стараясь не скрипеть ни половицами, ни дверью, вернулись в комнату. Лидия лежала на кровати, прикрывшись своим одеялом, и крепко спала. В ошарашенной тишине было слышно безмятежное сопение.

Я жалобно посмотрела на Филиппа и прошептала:

– Если я лягу посередке, то вы даже не заметите ее присутствия.

Он прикрыл глаза и потер переносицу, что-то серьезно обдумывая. Может, вспоминал, какое содержание прописал в брачном контракте в случае развода, и подсчитывал, заслужила ли я эту весьма внушительную сумму, пробыв его женой меньше суток.

– Не так я себе представлял первую брачную ночь, – пробормотал он.

– Понимаю, вы хотели хорошенько выспаться, – тихонечко поддакнула я, следуя совету тетушки «соглашайся с мужем во всем, через сорок лет объяснишь ему, что он кретин».

Филипп для чего-то снял с вешалки пальто и начал его надевать. В сугроб, что ли, решил закопаться или просто прогуляться?

- Вы куда? Хотите снять еще одну комнату?
- Если бы здесь были свободные комнаты, ваша тетка лежала бы в своей, а не в нашей кровати, – проговорил он. – Ухожу в общую залу.
- Тогда идем вместе!
- Зачем? – насторожился Филипп.
- Я ваша жена и обязана разделять все жизненные тяготы.
- Не лишайте себя радостей спокойного сна.

Наверное, он представил, как следом за нами в общий зал, где на деревянных раскладушках спали те, кому не хватило крон на отдельную комнату или же не досталось отдельного закутка, потянутся все мои родственники. Управлять парадом будет тетушка Клементина, Лидия о кого-нибудь споткнется и поднимет переполох, а потом дядька Рендел громыхнет драконьим ревом и распугает всех конкурентов на мирный отдых.

– Вы уже спали на раскладушках? – нешуточно всполошилась я. – Спину потом не хватит?

- Не беспокойтесь, у меня здоровая спина, – отозвался он, продвигаясь к выходу.
- Если вдруг не хватит раскладушки, то возвращайтесь! Как-нибудь разместимся.
- Хорошенько выспитесь, дорогая жена. – Он бросил на меня выразительно-ироничный взгляд. – Поставьте на замок заклятие, чтобы никто не вошел.

Филипп скрылся за дверью. Я стояла посреди комнаты и не верила, что умудрилась выставить мужа из спальни в нашу первую брачную ночь. Если мы вопреки всему дотянем до старости, то расскажу эту историю нашим внукам. А еще лучше – напишу мемуары с самыми позорными моментами своей жизни.

Погода в горах непостоянная, как ветреная кокетка. К утру тучи разошлись, явив бескрайнее прозрачное небо и потрясающий воображение Сумрачный пик на горизонте, словно окутанный сизой дымкой. О ночной непогоде напоминали лишь искрящие на солнце сугробы, да глубокие колеи на дороге.

О том, как спалось мужу в общей зале, легко угадывалось по его настроению и непроницаемому взгляду, обращенному в бесконечность. Тетушки и дядька Рендел с самого пробуждения так отчаянно доказывали, какие они деликатные и незаметные люди, что лишний раз старались не попадаться Филиппу на глаза. Молчком уселись в расписной коробчонок, полностью признав право молодых ехать в просторном комфортном экипаже, присланном из гостевого дома. Ну просто образчик кротких родственников! Сердце радовалось.

И оно радовалось бы гораздо больше, если бы ночью не случилось неловкости с Лидией. Пропустив дурацкие вопросы о том, как ему спалось – очевидно, что не очень хорошо, – я сразу начала каяться:

– Филипп, я чувствую себя чудовищно оттого, что вам пришлось уйти в общую залу. Мне жаль.

– Надеюсь, вы хорошо отдохнули, – отозвался он, снимая с измятых брюк ворсинку. Не воображаемую, а самую настоящую.

Вообще, возникало ощущение, что возле него спал кот. Или даже два кота. Так и представлялось, как он спихивал с себя хвостатых тварей, но они наседали, отвоевая пространство на раскладушке.

– Я почти не спала.

Мягко говоря, обеспокоенность мужниным благополучием была сильно преувеличена. Едва коснувшись подушки, я провалилась в такой крепкий сон без сновидений, что с утречка Лидия с трудом меня добудилась.

Оказалось, что тетушка Клементина, недосчитавшись сестры, решила, будто та сбежала с незнакомцем в неизвестном направлении, и, видимо, поторопилась поделиться радостной вестью. Почему-то идея, что Лидию украли, в голову ей не пришла. Обнаружив беглянку в ком-

нате для молодоженов вместо моего новоиспеченного супруга, тетка впала в глубокую задумчивость и сделалась очень тихой. Во всех смыслах этого слова.

– Филипп, мне действительно очень жаль! – с душой повторила я.

– Вы уже говорили, – уронил он.

– Я хочу еще раз повторить, чтобы вы поняли, насколько мне жаль. Очень!

– Не беспокойтесь, я понял. – Он бросил на меня нервирующий взгляд из-под ресниц.

– Хорошо, – вздохнула я и, сама от себя не ожидая, выдала глубокую мудрость от Марджери Торн, полученную во время ее приезда в Энтил: – Взаимопонимание – путь к счастливой жизни.

Филипп подавился на вздохе и едва слышно кашлянул в кулак. Ладно, согласна: большой перебор. До взаимопонимания нам, как на костылях до Сумрачного пика.

Дальше мы ехали в обоюдном молчании. Не знаю, о чем думал муж, глядя в окно, но я зачем-то подсчитывала в уме, как далеко в горах можно доскрестись на костылях. Очень успокаивающее занятие, к слову. Так расслабилась, что едва не начала зевать.

Как оказалось, гостевой дом назвать именно «домом» не повернулся бы язык ни у одного вменяемого человека. Это был старинный замок с облагороженным фасадом, подновленной въездной площадью и помпезным парадным входом.

Значительный и тяжелый, он стоял на фоне горы, прикрытой снежной шапкой, и высокомерно возвышался над уютной курортной деревушкой. Одной из тех, что любили изображать на цветных карточках, которые продавали в книжных лавках по четверть кроны за штуку.

У дверей нас встретил импозантный распорядитель в камзоле с вышитой на груди эмблемой гостевого дома. Пока мы поднимались в холл по длинной лестнице, покрытой красным ковром, он убеждал нас, как неимоверно горд, что Филипп Торн выбрал для медового месяца их гостевой дом. Муж высокомерно молчал, чем нервировал не только раздухарившегося многословного распорядителя, но и нас всех.

Когда мы оказались в холле, я на секунду ослепла. Не от богатой обстановки, а от яркой люстры на сотню магических огней, каскадом спускавшейся с потолка и отбрасывающей вокруг мозаичную тень. Народу в дорогом гостевом доме было ничуть не меньше, чем в дешевом постоялом дворе. Казалось, что вся столичная публика, только вчера поглощавшая тарталетки на свадьбе, переместилась на зимний курорт. Правда, по большому счету, на нас никто особенно не обращал внимания, разве что некоторые бросали любопытные взгляды.

– Ваши апартаменты давно готовы, господин Торн, – отчаявшись выбить из гостя хотя бы слово, докладывал распорядитель.

– Попросите кого-нибудь проводить родственников моей супруги в их номера, – наконец пожелал разлепить губы господин Торн.

– Совершенно незачем, – обрадованно объявил распорядитель. – Мы устроили все по высшему разряду! Вы живете на одном этаже.

– Простите? – от чудесной новости Филипп даже притормозил.

Мы тоже всей кучей притормозили, а заодно попятнулись, собираясь вокруг дядьки Рендела. Вообще, сбиваться в стайку было тактически недальновидно. Если придется прятаться, то мы споткнемся друг о друга и устроим большую свалку.

Распорядитель замялся, видимо, решив, будто что-то напутал.

– Как вы и велели в письме, – почти с отчаянием напомнил он и почему-то уставился на меня, словно именно я была главным недовольным элементом. – Просторные апартаменты по соседству. С видом на горы и балконом. Одни для молодоженов, другие для их сопровождающих. Правда, номера не совсем по соседству, а в разных концах коридора... Мы, конечно, попробуем что-нибудь поменять, но вы же понимаете, высокий сезон. Все лучшие номера выкупили еще с осени.

– Что ж, ведите, – кивнул муж, видимо, мысленно смиряясь с неизбежным соседством.

И что-то вдруг стало так жалко Вилсона! Было у меня подозрение, что его не просто рассчитают с позором, а вдогонку отвесят пинок под зад, чтобы летел как гордый дракон куда-нибудь подальше от столицы. Скорее всего, в провинциальный Энтил, где даже с отвратительными рекомендациями от бывшего нанимателя можно устроиться в помощники к счетоводу или к стряпчему. С таким идеальным почерком секретаря с руками оторвут. В смысле просто оторвут. Руки ему для чернильного пера пригодятся.

Оказалось, что мы не просто жили в разных концах замкового крыла, с родными нас разделял поворот! Они зашли к себе, а мы отправились дальше. Мимо горных пейзажей на стенах и натуральной миниатюрной елочки в деревянной кадке.

– Добро пожаловать в гостевой дом «Сиал»! – Толкнув дверь, с большой помпой распорядитель пропустил нас с Филиппом в просторную гостиную со светлыми стенами, бежевыми портъерами и с теткой Марджери Торн в кресле.

– Мои дорогие! – С фальшиво-лучезарной улыбкой она легко поднялась и театрально раскинула руки, словно собиралась нас обоих одним махом заключить в тесные объятия. – Вы добрались! Как я рада вас видеть в добром здравии!

Здравие после ночи на постоялом дворе у нас явно было не особенно доброе. Настроение тоже, прямо сказать, – желало сделаться получше.

– Я не стал ничего говорить о госпоже Торн, чтобы не портить сюрприз, – заговорщицким тоном пояснил сверкающий, как золотая крона, распорядитель. – Хорошего дня, господа!

Подобрать отпавшую челюсть мне удалось с трудом. Исключительно от мысли, что стоять с раззявленной от удивления «варежкой» нелепо. Ей-богу, чем дальше в хороший день, тем страшнее сюрпризы.

Глава 3

Лекарство от досадных провалов

Совершенно точно от быстрой расправы за самоуправство распорядителя спасли быстрые ноги. Он мастерски ускользнул в коридор и мягко прикрыл дверь. Скажу больше: заговорщицки подмигнул мадам Торн. Я видела, потому как в этот момент оглянулась.

В возникшей паузе из глубины номера доносились чьи-то тихие голоса. Казалось, тетка не просто заявила к нам в номер, а еще привела с собой парочку кузенов Торнов, и те теперь соображали, как поделить на всех спальню.

– Марджери? – Филипп то ли поздоровался, то ли задал вопрос, какого демона она окочливается в апартаментах, когда мы даже до гостевого двора не успели добраться.

Мгновенно догадавшись, что ее неожиданное появление действительно произвело впечатление – быть точнее, самое унылое впечатление, – мадам заговорила с доброй улыбкой пойманного дракона:

– Не злись на Роджера. Он по старой дружбе открыл мне номер и позволил тут чуточку похозяйничать. Тереза не дала никаких указаний насчет багажа. Сундуки стояли неразобранные. Я здесь, чтобы проследить, как горничные развешивают одежду.

Ничего себе выпад! Мысль, что кто-то там, в комнатах, копался в моих вещах, страшно не понравилась. Понятно, что в новой жизни придется привыкнуть к присутствию слуг, но я леди Торн всего второй день, а любая привычка, даже дурная, появляется за три недели. Именно так утверждают умные книги. В них, правда, речь шла о том, как от привычки избавиться, но – уверена – процесс работает в обе стороны.

– Ты ради этого прилетела в Сиал? – уточнил Филипп. – Сегодня возвращаешься в столицу?

– Ты такой шутник! – всплеснула она руками, хотя племянник-то выглядел серьезным. – В Сиале собрался весь свет. Говорят, его величество приедет. Грех пропускать настолько высокий сезон. Я и так не появлялась последние пять лет.

Другими словами, запросто грешила, но именно в этом году совесть покусала и заставила прискакать в Эрминские горы. К нам под бок. Видела я, как тетку перекосило от новости, что мои родные едут с нами в путешествие. Вот до чего доводит зависть к новоявленным родственникам. Пять лет дома просидишь, а потом в горы без приглашения припрешься! Даже на костылях.

Между тем Филипп помог мне освободиться от жаркого плаща, небрежно бросил его на спинку дивана и снял пальто.

– Ты какой-то помятый, – заметила тут же тетка.

Еще бы! Поспи на раскладушке в общей зале придорожного постоялого двора – помнешься даже душевно.

– Марджери, мы рады тебя видеть, но хотим отдохнуть с дороги, – немедленно указал он направление к выходу.

Однако тетку просто так, простыми намеками, было не выставить! Она словно решила у нас окопаться.

– Так, может, согревающего чаю? – Марджери указала на кофейный столик, где стоял поднос с фарфоровым чайником и две чашки. Одна была наполовину наполнена подозрительным питьем.

– И было бы неплохо помыться, – уже прямолинейно ответил Филипп.

– В таком случае давайте попозже вместе пообедаем! – просияла тетка. – Я уже заказала столик в ресторации на верхнем этаже. В три часа.

– Ты разве не планировала поболтать со старыми приятельницами? – вежливо спросил он.

– Они не видели меня пять лет, один день ничего не изменит. Мы с ними позавтракаем. Тереза, вы ведь не против пообедать?

– Я скажу своим родным, – с улыбкой прелестной дурочки объявила им обоим, дескать, решили обедать в компании, так пусть она будет большой и дружной. Надеюсь, в конце гастрономического праздника никто не подерется. – Тетушка Клементина страшно обидится, если мы не позовем их на семейные посиделки.

– Ах, Вудстоки всем составом... – протянула Марджери. – Куда их, к слову, поселили? Далеко?

– Мы живем рядом, – вынужденно призналась я. – А вы?

– В северном крыле. Там превосходные виды.

По лицу мадам было заметно, что она уже вычисляла, как переехать к нам поближе. Можно этажом выше, но непременно над новыми родственниками. Всегда приятно ходить на острых каблуках по паркетному полу, чтобы людям внизу казалось, что им прямехонько в темечко забивают гвозди.

– Филипп, ты меня проводишь? – Она стряхнула с пиджака племянника ворсинку.

– Конечно, – согласился он и указал на дверь, дескать, идемте, тетушка, мне очень хочется поскорее вернуться.

– Увидимся в три, моя дорогая.

Когда оба скрылись в коридоре, «дорогая» облегченно выдохнула и с интересом огляделась. Помимо диванов здесь стоял круглый обеденный стол с полированной крышкой и мягкими стульями с резными ножками. Угол подпирала напольная статуэтка: девица с плоской в руках. Понятия не имею, для чего ее приставили. Может, в гипсовую тарелку следовало складывать ключи и чаевые для obsługi.

– Леди Торн, – раздалось в тихой гостиной, и я едва не подпрыгнула.

Откуда ни возьмись, вернее, из спальни появилась горничная в форменном платье и переднике.

– Мы закончили, – объявила она.

– Спасибо, – отозвалась я.

Девушка чего-то ждала.

– Мы можем идти или будут какие-то пожелания? – спросила она.

– Нет, – покачала я головой, но вдруг вспомнила: – Кстати, а как связаться с соседним номером?

– В вашей спальне есть почтовая шкатулка. Можно отправить записку в любые апартаменты или сделать заказ в номер, – не выказав никакой иронии, дескать, дикая какая-то леди Торн, ничегошеньки не знает, пояснила она.

– Благодарю, – улыбнулась я.

Девушка двинулась к выходу, а следом целый отряд горничных в количестве пяти штук, со стороны похожих друг на друга, как близнецы. Они торжественно несли стопки аккуратно сложенных очень знакомых вещей, а одна держала в руках мои теплые ботинки со шнурками. Те самые, которых так сильно недоставало в дороге!

– Подождите! – скомандовала я, признав собственный халат из фланели. Он давно пережил первую молодость, но был теплым и уютным.

Служанки сбились со строевого шага и едва не врезались одна в другую.

– Куда вы уносите мои вещи? – удивленно спросила я.

– На сжигание, – с самым обычным видом, словно не собиралась провести кремацию чужой одежды, пояснила старшая горничная.

Ничего себе сервис в дорогом гостевом доме!

– Зачем? – потрясенно воскликнула я. – Чем вам не угодил мой... халат?!

Девушки странно переглянулись.

– Так ведь мадам Торн велела от этих вещей избавиться.

– Мадам Торн? – повторила я нараспев, потому как дыхание чуточку сперло и удавалось почему-то петь, но не нормально говорить. Слов-то не было, одни междометия.

Тетка под шумок решила проредить мой гардероб. Нашлась поборница моды! Хочет избавиться от одежды – пусть перетрясет свои дорожные сундуки.

– Дамы, верните все обратно, – велела я. – Сейчас же!

Вообще, хотела сказать «пожалуйста», но от возмущения запас вежливости несколько прохудился. Они же чуть не прикончили мой любимый халат!

Горничные пристроили вещи на комод и удалились. Оставшись одна, я сбежала в ванную комнату. Хорошо, что та примыкала к гардеробной и не пришлось нестись через весь номер в исподнем. А когда вышла, душистая, намытая и в уютном халате, обнаружила Филиппа...

Вокруг моего ненаглядного мужа на разном расстоянии от пола застыли сбитые с комода вещи. С большим недоумением, словно никогда в жизни не видел женского белья, он рассматривал гордо расправленные в воздухе полосатые панталоны.

Я и сама встречала такие, с позволения сказать, пестрые изделия швейного промысла только в одном месте: в лавке женских штучек мадам Руфьи в Энтиле. Она шила их собственными руками, чем сильно гордилась. Никак тетушка Клементина подсунула зимнее белье. Видимо, побоялась, что племянница в горах отморозит нежное место, какое следовало при-
страивать на диваны и возить исключительно в теплых каретах.

– Вы чего на них пялитесь? – тихо, но свирепо спросила я, словно он совершал гнусное злодеяние, а не изучал приبلудное исподнее.

Филипп перевел на меня растерянный взгляд, и брови его поползли на лоб.

– А теперь на меня, – сердито добавила я, покрепче затягивая пояс. – Никогда не видели халата в стиле... ретро?

– Ретро – это когда одежда на женщине как из бабушкиного сундука?

– Вы же не пытаетесь оскорбить мой халат? – обиделась я и огладила ладонями мягкую ткань. – Ретро – это удобно и уютно. И знаете что?

– Да?

– Отдайте уже мои панталоны... Шорты!

Приблизившись, я попыталась сорвать висящее полосатое недоразумение, но оно словно было прибито гвоздями к воздуху. Пришлось дернуть посильнее, отчего ткань хрустнула. В разные стороны прыснули золотистые искры затухающей магии.

– Какие-то ненадежные панталоны, – пробормотала сквозь зубы. – В смысле, шорты! Это шорты, ясно?

– Шорты с начесом, – заметил Филипп.

– Что вы удивляетесь? Они зимние. Не догадывались, что такие существуют? – проворчала я, пряча цветастое безобразие подальше от его внимательных глаз. Попросту за спину. – Никогда не знаешь, в какой момент усядешься в сугроб.

– В холода их надо носить постоянно? – въедливо допытывался муж.

Да дались же ему эти демонские штаны! Послушаешь и решишь, что сам захотел на досуге примерить и испытать на морозе.

– Как только похолодает до такого мороза, что птицы начнут падать замертво, а задницы... – Я прикусила язык. Похоже, до крови. Наверное, распухнет, зато не смогу нести чушь и сыпать в приличном обществе мужа бранными словечками.

– Продолжайте, – кивнул он. – Что вы там говорили?

Его глаза вспыхнули смехом. Уголки губ подрагивали. Я чуть не проглотила собственный длинный язык. Можно больше не напрягаться и не строить из себя прелестную дурочку. Репутация таковой успешно заслужена!

– Зачем вы вообще сюда зашли? – буркнула я недовольно, стараясь сменить тему.

– Переодеться, – подсказал он.

– А не заметили, что дверь закрыта?

– В этом был сакраментальный смысл? – уточнил Филипп.

– Не сакраментальный, а самый обычный. Закрытая дверь как бы тонко намекала, что здесь занято. – В порыве вдохновения я взмахнула треклятыми панталонами и пожелала самой себе провалиться под паркет. – Филипп, не хочу показаться грубой, но, может быть, вы уже выйдете куда-нибудь, чтобы я оделась?

И по возможности спрятала позорное исподнее. Ей-богу, трусы с начесом удивили меня ничуть не меньше. Держу и поражаюсь: кто в здравом уме натянёт на себя это колючее недо-разумение? Разве что в качестве наказания за плохое поведение.

– Дорогая супруга, давайте я выйду в ванную комнату, – предложил он и даже кивнул в нужном направлении. – Обещаю не торопиться, переодевайтесь без спешки.

– Благодарю, – с достоинством ответила я, сдвигаясь с пути.

Едва муж шагнул из гардеробной, как за его спиной взмыли в воздух застывшие возле пола вещи. Красивое колдовство, совершенное с небрежной естественностью. Одежда встряхивалась, складывалась и слеталась в аккуратную стопку.

Неожиданно среди прочих мелочей обнаружилось очередное исподнее с длинными штанинами. Расцветкой в ярко-красное сердечко. К ним в комплект шли чулки. И теперь обе штуки мельтешили в воздухе. Клементина точно решила меня доконать!

– Тереза?

– Да? – Я резко развернулась и закрыла собой дверной проем, чтобы Филипп не заметил, как отвратительные чулки в сердечко самостоятельно скатываются аккуратными валиками.

– Я ваш муж.

– Я в курсе.

– Не стоит меня стесняться, – пряча улыбку, мягко проговорил он и скрылся за дверью.

Я выдохнула и первым делом попрятала в нижний ящик комода цветастое приданое. Потом шустро надела платье, просушила кудрявые волосы простеньким заклятием и отправилась на пять минут к тетке. Задать вопрос: в какое страшное мгновение она решила меня этим приданым одарить и добавить в мои будущие мемуары о позорах в жизни еще одну главу? А заодно рассказать об обеде с мадам Торн, если разбор спорной энтильской моды не затянется до трех часов пополудни.

Широкий замковый коридор был пуст и тих. Мирно стояла в кадке украшенная бантами елочка. На стенах в круглых стеклянных колпаках потрескивали магические огоньки. Ковер на полу заглушал стук каблучков.

Я повернула за угол и задумчиво притормозила, обнаружив две совершенно одинаковые двери, смотрящие друг на друга. Слева и справа. Номера у них отличались одной цифрой, и какой на следующие две недели принадлежал моим родным, я – хоть убей – не помнила.

Сначала двинулась влево, потом передумала и, протянув кулак, постучалась в дверь справа. Удивительно, но угадала! Изнутри крикнули голосом Лидии:

– Заходите!

Я заглянула внутрь. В гостиной, уютно забравшись на диванчик с ногами, сидела моя тетка и читала «Приручение домашних драконов». На придвинутом поближе столике стояла фарфоровая тарелка с очищенными орешками.

Звонкий и тонкий фарфор с золотой каемочкой был местный, а орешки – определенно энтильскими, прихваченными запасливой Лидией в путешествие. Но перекус не понадобился

– по дороге всех неплохо кормили, а некоторых (меня) даже с большим перебором. После вчерашнего пиршества внутри не приживались даже мысли о еде.

В номере царило умиротворение. В окна лился солнечный свет, виднелась присыпанная снегом гора. Никакого задорного скандала в духе тетушки Клементины, ненавидящей, когда разбирали сундуки не так, как ей нравилось, что-то не наблюдалось.

– Ты одна? – Я недоуменно огляделась. – Где остальные?

– Клементина вышла, – объявила Лидия и, оттопырив мизинчик, перевернула страницу.

– Куда?

– К тебе, – легкомысленно отозвалась она. – Ты не представляешь, какую полезную книгу подарили твои соратницы...

– Подожди! – перебила я. – Когда она ко мне пошла?

– С полчаса назад. Вы разминулись?

– Здесь не такой длинный коридор, чтобы по нему идти полчаса, – нахмурилась я.

Может, тетушка и пыталась дойти к нам с Филиппом в номер, но определенно добралась в какое-то другое место.

– А где Рендел?

– Так известно же где. – Лидия пожала плечами. – Как только за Клементиной закрылась дверь, тут же сбежал.

– Куда?

– Откуда мне знать? – Она наконец пожелала поднять голову и посмотреть на меня укоряющим взглядом. Дескать, не отвлекай от чтения.

– Ты же сказала, что тебе известно.

– Это была колкость, соразмерная ситуации. Кстати, ты действительно должна прочесть эту книгу...

– Поищу Клементину с Ренделом! – выпалила я. – Вдруг они потерялись?

– Куда они денутся из гостевого дома? – равнодушно отозвалась Лидия.

Да куда угодно! У них талант блуждать в самых неожиданных местах. Умудрились заплутать в воздушном порту, где для людей с богатым воображением и топографическим кретинизмом установлены указатели.

– Пойти с тобой? – Лидия принялась слезать с дивана и скривилась, выпрямляя, очевидно, затекшие ноги.

– Нет! – рывкнула я, и тетка вздрогнула. – Не выходи из номера! Вообще с дивана не вставай! Вдруг они вернуться, а дверь закрыта. У нас еще обед с Марджери.

– Марджери Торн здесь?! – охнула она. – Это же огромная проблема!

– Да, но сейчас не самая главная.

Я бросилась на спасение пропавшей Клементины, буквально летела, воображая, растерянную родственницу... и потерялась в коридорах. Теперь растерянной сделалась сама. Даже по лестницам пару раз поднялась, но не нашла ни тетушки, ни выхода к цивилизации. Вокруг одинаковые комнатные ели в кадках, картины, одна на другую похожие, и ни души. Чужой коридор выдал зеленый, а не красный ковер.

– Да драконью ж мать! – пробормотала я, упирая руки в бока.

– Девушка, благослови тебя боже! Я встретила живого человека, а не только елки! – прозвучал громкий голос тетки.

Не веря собственным ушам, я развернулась. В последние годы Клементина стала слаба глазами. Вдаль видела плохенько, а признавать, что ей пора бы подумать об очках, отказывалась. Удочеренную племянницу она не признала, но резво маршировала в тупик.

– Тетушка, я вас обыскала! – воскликнула я.

– Тереза! Девочка моя, какое счастье! – охнула Клементина, наконец разглядев знакомое лицо. – Шла к тебе в номер, а оказалась здесь. Ужасное место! Запутанное, как драконий лабиринт! Ты знаешь, как вернуться?

В чувствах она на секунду прижала меня к пышной груди.

– Ну... – промычала в ответ, вдыхая пыльный запах теткиных духов. – Я точно знаю, на какую лестницу не стоит заворачивать.

Она отстранилась и спросила изменившимся голосом:

– Ты тоже заблудилась?

– Что за обвинительный взгляд? – возмутилась я, убирая за ухо выбившуюся из пучка кудряшку. – Иначе как бы я тебя нашла?

С какой стороны ни посмотри, довод был нелогичен, но тетку устроил. Она с жаром согласилась, что у умных женщин всегда мысли сходятся и блуждаем мы по одному маршруту. Я деликатно промолчала, что умные женщины вряд ли теряются в гостевых домах и оказываются в подобной зад... на задворках цивилизации. Лишь бы Клементина не брюзжала, как кастелянша в дурном настроении!

– Какая необычная графика, – вдруг вымолвила она, шагая со мной рядышком.

Мазнув равнодушным взглядом по стене, я затормозила. В нише висела схема этажа! Ее ловко прикрывала высокая елка с бантиками, словно неприязательный чертеж портил тривиальным видом написанные маслом романтические пейзажи. Ей-богу, проскочишь и не заметишь!

– Что? – испугалась тетушка.

– Ты нашла план замка, – с облегчением объяснила я. – Сейчас посмотрим, где мы находимся, и быстро выйдем.

– Так что же они не повесили его на самое видное место? – возмутилась она.

Очень хороший вопрос, который возникнет у любого практичного человека. Особенно если он, этот человек, больше часа блуждает между проклятуших этажей.

Схема подсказала, что мы самым нелепым образом кружили по четвертому этажу! И здесь имелось целых две лестницы, ведущие в разные стороны. Если верить надписи и стрелочке, нарисованной чертежником по линейке, проход справа отправлял постояльцев точненько в холл.

Синхронно выгнувшись, мы с Клементиной выглянули из ниши. Посмотрели направо, потом налево, в глубоком молчании снова выпрямились перед схемой. Надо признать, в картографии я никогда не была сильна, и света в коврово-елочном лабиринте никак не зажигалось.

– Так... – Тетушка неожиданно попыталась сдвинуть кадку с елью, попутно оборвав парочку бантиков.

– Ты что делаешь? – удивилась я.

– Возьмем карту с собой.

– Мы не будем воровать план! – возмутилась я. – Это неприлично!

– Зато очень практично! – отрезала Клементина. – Иначе издохнем от голода в этих коридорах. Помни, что, забирая эту схему, ты спасаешь своей тетке жизнь! Помоги мне сдвинуть ель! Понаставили тут разного хлама, чтобы слабые женщины себе спину срывали.

Похоже, дерево пристроили в нишу не ради интерьерной красоты, а чтобы никто не стащил план.

– Оставь кадку в покое! – скомандовала я.

Клементина действительно выпрямилась, но только для того, чтобы попытаться протиснуться к чертежу между елкой и стеной. Богатая грудь не позволила совершить сей пагубный для моей репутации маневр, но в разные стороны брызнули бантики. Дерево оказалось чутко общипанным. Тетка не сдавалась.

– Господи, да не тяни ты к ней руки! – разозлилась я. – Ты говорила, что леди Торн не имеет права опозорить фамилию мужа. Представляешь, если кто-нибудь узнает, что мы утащили чертеж?

– Не переживай, карту возьму я. Фамилия Вудсток все равно уже опозорена, хуже не станет. Встретим в холле коридорного и отдадим.

– Ага, и скажем, что она стояла прислоненная к стеночке. Забрали, чтобы никто не стащил, – взъерепенилась я.

– Леди, могу я вам чем-то помочь? – раздался за нашими спинами женский голос.

Пойманные на месте преступления, мы резко развернулись. Возле нас, держа в руках аккуратную стопку с постельным бельем, стояла горничная в форменном платье и в чепце. Она вежливо улыбалась, но на сорванные бантики, валявшиеся под ногами взъерошенных леди, смотрела с явным укором.

– Милочка, идите, мы тут сами справимся. – Легким взмахом руки Клементина недальновидно отшила единственного человека, знающего правильную дорогу.

– Нет! – резко выпалила я, заставив их обеих остолбенеть. – Подождите! Уважаемая, нам нужна помощь. Мы заблудились.

– В каких апартаментах вы проживаете? – невозмутимо уточнила она.

Сразу видно: мы не первые, кто бродит по пустым коридорам и пытается втихаря свинтить план замка. Хорошо, что тетка до него не дотянулась. Вдруг на раме стоит охранное заклеивание, способное во всем поставить на уши весь гостевой дом?

– В светлых, – не дав мне открыть рот, подсказала Клементина.

– А номер?

– Дай бог памяти, – вздохнула она, намекая, что боженька не надоумил нас въедливо приглядеться к номеру апартаментов и запомнить так твердо, чтобы во сне сказать без запинки.

– Хотя бы какой этаж? – не столь уверенно уточнила горничная.

– Третий, – с облегчением ответила я.

– В каком крыле?

Девушка, зачем вы задаете такие сложные вопросы? Хорошо же все было! Если бы мы знали, в каком крыле поселились, разве потерялись бы, как самые умные женщины нашего славного королевства?

– У нас в коридоре был красный ковер. – Я указала пальцем себе под ноги.

– Так вы живете в восточном крыле, – догадалась горничная, а потом три раза объяснила, с какой лестницы спускаться и куда повернуть.

– Спасибо, милая! – вздохнула Клементина, прижав руку к пышной груди. – Сегодня на ночь я помолюсь за твое здоровье.

– Ты же не молишься, – прошептала я тетке, когда мы со служанкой разошлись в разные стороны.

– Хочешь сэкономить на чаевых? Скажи, что помолишься. После такого неловко намекать на кроны, – тихо буркнула она и вдруг вспомнила: – Ты же теперь леди Торн?

– И?

– Тебе стыдно экономить на кронах. – Она быстро оглянулась и позвала служанку: – Девушка!

Та притормозила и с вежливой улыбкой, словно прилипшей к губам, снова повернулась к нам.

– У меня нет с собой денег, – сквозь зубы едва слышно пробубнила я.

– И утром тоже вознесу за тебя молитву! – немедленно нашлась тетка. – За крепкое здоровье и семейное счастье.

– Благодарю, мадам.

Не чаявшая, как от нас избавиться, горничная изобразила быстрый книксен и сбежала за поворот.

– Господи, какой позор. – Я подхватила тетку под локоть и едва ли не потащила к правильной лестнице. – Уходим быстрее! Нам еще надо успеть на обед с Марджери.

– Ты с кем-то успела познакомиться? – не сообразила Клементина.

– Тетка Филиппа приехала на отдых и пригласила нас всех на обед.

– Старая интриганка здесь?! – громко воскликнула она. – Мы заселиться толком не успели, как уже нарисовалась. Знаешь, она с самого начала так нехорошо на тебя смотрела. Глаза бы ей выцарапала! Точно решила испортить вам медовый месяц.

Тетушка, мы и без Марджери, похоже, прекрасно справляемся с этой миссией. Портим Филиппу медовый месяц.

– Ну ничего! Пока мы одни... – Клементина притормозила и, воровато оглядев пустой коридор, вытащила из кармана маленький флакон темно-зеленого бутылочного стекла, заткнутой самой обычной аптекарской пробкой. – Возьми! Я специально к тебе шла, чтобы это отдать. Как знала, что надо приберечь для хорошего случая.

С торжественным видом она сунула флакон мне в руки.

– Зачем мне аптекарское снадобье? – Я с недоверием проверила бутылочку на свет. По толстым стенкам стекала густая маслянистая жидкость.

– Витамины для твоего супруга. У тебя совсем нет опыта, но, поверь, даже с молодыми мужчинами такое случается.

– Что? – озадачилась я.

– Досадные провалы, – тихо проговорила она. – С этим средством все получится. Десять капель – и он не сможет думать ни о чем, кроме спальни.

– Он наконец выпится! – догадалась я. – Спасибо, тетушка. Прошлой ночью Филиппу пришлось несладко в общей зале.

– Ну после, конечно, выпится, – согласилась она. – Главное, не перелей, иначе выпатся не удастся тебе.

Мы замолчали на некоторое время. Уверена, в ее словах была какая-то логика, только мне никак не удавалось ее уловить.

– Что за странное снотворное? – наконец спросила я.

– Снотворное наоборот, – пояснила Клементина. – Внимательно отсчитывай капли, чтобы не пришлось вызывать лекаря.

Я почувствовала, как к щекам приливает кровь. Похоже, по доброте душевной тетка всучила мне самопальный афродизиак. Страшно представить, что в него намешали!

– Теперь ты во всеоружии, и мое сердце спокойно, – объявила Клементина и подхватила меня под локоть. – Главное, не забудь надеть красивое белье. Оно создает правильный настрой. Я кое-какие штучки тебе положила в дорожный сундук.

– Полосатые начесанные панталоны?

С афродизиаком и зимнее бельешко покажется жуть каким сексуальным.

– Они попали в твой багаж? – охнула Клементина. – А Лидия все полки перерыла. Я ей говорила, что найдутся. Никто не станет воровать чужое исподнее. Даже такое красивое.

– Угу, – промычала я, как-то живо вспомнив ошарашенную мину мужа при взгляде на полосатую «красоту».

– Если понравилась, оставь себе, – велела она.

– Белье Лидии?

– Только ей ничего не говори. Белье совсем новенькое, ни разу не надеванное.

Уже радуется.

– Мы с ней вместе ходили перед отъездом в лавку к мадам Руфье, – продолжила тетка. – Тебе нужнее, а Лидии все равно не перед кем красоваться.

– Благодарю, но не стоит, – вежливо отказалась я. – Мне флакончика с дивным средством вполне достаточно.

Тетушка, честное слово, лучше бы ты мне компас вместо полосатых панталон и подозрительного афродизиака попыталась подарить. По крайней мере, полезная в хозяйстве вещь. Особенно в огромных гостевых домах.

В первый момент яркий суетливый холл ослепил. Потеснее прижавшись боками, мы с Клементиной огляделись вокруг, словно за последний час превратились в горных аборигенов, одичали и забыли, как выглядят люди в одежде, а не в волосах по всему телу.

Вокруг сновали коридорные, толкали тележки с багажом. На диванчиках дожидались номеров постояльцы. Девушки с корзинками, как у цветочниц, раздавали зазывные листовки на всевозможные развлечения, каких, судя по всему, в Сиале для отдыхающей публики придумали немало. Завораживала даже гигантская картина с замком на фоне уже знакомой горы и тремя поэтично летящими драконами.

Неожиданно изображение зарыбило, размылось, и живописный пейзаж исчез. Вместо него появился нарисованный зал для торжеств, заполненный красиво одетыми людьми. Надпись витиеватыми буквами приглашала всех на праздничный аукцион украшений королевского ювелирного дома.

Кажется, я начинала понимать, как себя чувствует человек, десять лет проживший на необитаемом острове: ошеломленным. Хотелось удивленно воскликнуть: «Люди, вас никто не сожрал?!» – но я, естественно, промолчала. Не к лицу леди Торн, как, впрочем, и любой здравомыслящей девушке, выкрикивать странные вещи в пространство. Сразу примут за сумасшедшую.

– Смотри, Тереза, – проговорила тетушка, – Рендел-то меня ищет.

Я бросила взгляд в указанном направлении. С самым благолепным видом, пристукивая тростью, дядюшка важно пересекал холл. Выглядел он так, будто в хорошую погоду степенно прогуливался по центральной улице Энтила и ведать не ведал, что с высунутым языком обязан разыскивать вторую половину. По мнению Клементины, лучшую половину. Сам Рендел, до свадьбы десять лет прослуживший в королевском полку, не разделял убеждение жены, что она спасла ему жизнь и превратила в приличного человека.

– Вот, Тереза, учись, пока тетка жива! Мужа надо воспитывать. Понимаешь? Берешь, что дали, и растишь, чтобы вышло хорошо. С Филиппом-то, наверное, посложнее будет, но я в тебя верю, моя деточка, – вздохнула Клементина, почти с гордостью глядя на важничающего дядюшку, и одухотворенно окликнула его: – Рендел, душа моя!

Вообще-то, получилось громко и по-генеральски. Дядька резко остановился и вжал шею в плечи, как будто та самая душа у него бухнулась в пятки и потянула за собой лысеющую голову.

Неожиданно обзор загородила тележка с дорожными сундуками. Когда она отъехала, нам предстала дивная картина. Рендел улепетывал! Споро частил в сторону арки, ведущей в восточное крыло, и не оглядывался.

– Не услышал, что ли? – озадачилась Клементина.

Даже я, не воспитавшая ни одного мужа, понимала, что глава рода Вудсток, выращенный ею кнутом и пряником – но больше кнутом, – раскрыл паруса и с попутным ветром уходил в закат. В смысле в номер, но выглядело так, будто на часик-другой надумал затеряться в коридорах.

Тетка, правда, не смекнула и грудью вперед, как тяжеловесная шхуна, заставляющая расступаться мелкие нарядные лодчонки, ринулась за прикормленным супругом. Я заторопилась следом.

Когда у Клементины наступит прозрение, выживут не все. Вдруг придется спасать дядюшку? Или репутацию семьи Торн, если Рендел окажется потерянным для мира. Возможно, и имущество гостевого дома потребует спасения.

– Рендел, ты чего несешься, как на соседские похороны? – нагнала беглеца тетка. – Так ветер в ушах свистит, что ничего не слышишь?

Дядька на секунду замер, словно ища в себе силы предстать перед грозным ликом драгоценнейшей супруги, и неуклюже оглянулся через плечо.

– Ох, вишенка! – пробормотал он с дурацкой улыбкой. – А я-то думаю, кто меня звал?

Глаза подозрительно блеснули. На гладко выбритых по случаю отдыха щеках краснели пятна. Он повернулся всем корпусом, и стало ясно, что сейчас трость нужна дядьке вовсе не для важности, а для устойчивости.

– Вы с Терезой решили подышать свежим воздухом? – спросил он.

Клементина начала меняться в лице. Я быстро огляделась. На нас по-прежнему никто не обращал внимания, но это пока тетушка не успела открыть рот. Впервые за двое суток репутация семьи Торн была в такой ужасающей опасности!

– Ты что же, успел накидать за воротник, старый паршивец, пока мы бродили по замку? – прошипела тетушка. К счастью, от возмущения у нее пропал голос.

Можно выдохнуть, но ни в коем случае не расслабляться! Голос – штука непостоянная. Легко исчезает и возвращается.

– Как ты нехорошо сказала, Клементина! – Рендел позволил себе пристукнуть тростью, но тут же съезжился под гневным взглядом супруги. – Я участвовал в дегустации благородных вин! Меня-то на экскурсию по замку ты не взяла.

Я едва заметно покачала головой, давая понять, что он зарывается и уже практически по пояс стоит в могиле.

– Вишенка, так сказала бы, что надо составить вам компанию, – засюсюкал он. – Чтобы ты знала, я дегустировал и все время о тебе вспоминал. Не икалось?

– Нет, – процедила тетка, снова обретая пронзительную тональность. – За мной, дегустатор непуганый. Расскажешь, как так вышло, что твоя лучшая половина чуть не сгинула в гостевом доме, а ты себе спокойно жизнью наслаждался.

– Постой, тетушка! – остановила я воинственную родственницу. – Лучше пойдем за Ренделом, он знает дорогу.

– Так вы от экскурсовода, что ли, отстали и заблудились? – не очень натурально охнул Рендел.

Тетка поджала губы. Если она упрет руки в сытно-кругленькие бока, то репутации Торнов ничто не поможет.

– Тетушка, помните, что вы не в Энтиле, – без экивоков попросила я не скандалить в самом эпицентре светского общества. – Доберитесь до номера, а потом беседуйте. Можно громко. Главное, не разбейте фарфоровую тарелку с орешками...

Орешки на фарфоре Клементину точно впечатлили. Хоть виду она и не подавала.

– Веди, – скомандовала супругу.

– Прошу, ненаглядные леди, – немедленно махнул он тростью, догадываясь, что пришло время не ерепениться, а сотрудничать. – Препровожу со всеми почестями.

Лестница показалась бесчеловечно длинной. Ноги гудели, как после похода по пересеченной местности. Понятно, что в походах мне бывать не приходилось, но точно болело ничуть не меньше.

Я поднималась, держась за перила, и смирялась с мыслью, что Вудстоки вряд ли разделят со мной «радость» от обеда с Марджери. До трех часов дня треть из них не доживет.

Сейчас эта самая треть не желала держать язык за зубами и подписывала себе смертный приговор. Может, Лидию делегируют? Если сумеют выкурить из номера.

– Да что же ты злишься, вишенка? – бубнил Рендел. – Я не потратил ни медяшки. Дегустация была совершенно бесплатная. Сказали, что все на счет запишут.

– На чей? – напряглась я.

– Я не понял, – признался дядька. – Меня все время называли фамилией твоего мужа, а исправлять хороших людей ни в коем случае нельзя. Зачем их ставить в неловкое положение?

Благослови боже начесанные панталоны! После полосатых трусов в моем гардеробе Филипп, в принципе, ничему не должен удивляться. Даже счету за дегустацию из питейного зала.

– Вишенка, ты меня слушаешь? – канючил Рендел.

– Очень внимательно, – мрачно отозвалась благоверная, определенно продумывая новый план по воспитанию старого супруга.

– Клянусь, что теперь от тебя ни на шаг! – уверил он.

– Да кто ж тебе позволит? – нехорошо хмыкнула та.

– Если на экскурсию, то вместе, – с жаром поддержал дядька, видимо, решив, будто жена дает слабину. – И на дегустацию...

Клементина проткнула Рендела злобным взглядом промеж кустистых седых бровей.

– На экскурсию, – примирительно повторил он, но, прежде чем войти за мрачной «вишенкой», вручил мне трость и пробормотал, дескать, от греха подальше.

В номер я втащилась. Филипп сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и внимательно изучал какие-то бумаги. На удобном расстоянии, чтобы не тянуться к столу, в воздухе висела чашечка с кофе на тонком блюде, словно пристроенные на невидимую полочку.

Муж переоделся в широкие брюки без стрелок и белый свитер с высоким воротом. Похоже, одежда считалась домашней, но в этом мужчине не было ничего домашнего или уютного. В полупрозрачном солнечном свете, с небрежной прической и в расслабленной позе он, казалось, сошел с картинки из женского альманаха, висевшей над кроватью моей соседки по комнате. Вообще-то, та портретная карточка призывала купить дорогие наручные часы известной часовой мастерской. У Филиппа из-под рукава как раз такие выглядели.

– Вернулись, леди Торн? – Он посмотрел на меня над краем бумаг. – Ваши родственники в добром здравии после дороги?

– Спасибо, здоровье у них преотличное. Надеюсь, таким оно и останется, – добавила я себе под нос, пристраивая трость на деревянную стойку для зонтов, а заодно и магией присобачила, чтобы не скособочилась. В воздухе вспыхнул и потух сноп золотистых искорок от заклятия.

Где-то на полдороге к вожаденному дивану Филипп отложил документы и предложил тоном гостеприимного хозяина:

– У нас осталось время до обеда. Прогуляемся по замку.

Только не снова! Я больше не способна любоваться на картины и елки в бантиках.

– Да лучше сразу пристрелите заклятием, чтобы не мучилась! – вырвалось у меня.

У мужа поползла вверх бровь. Только одна. Видимо, таким образом проявлялось удивление. На самом деле он сделался таким же привлекательным, как тот незнакомый актер с картинки, но очков Филиппу это не прибавило.

Пришлось изобразить милую улыбку, что было поистине большим мужеством, учитывая, что ныли ноги, а филейная часть желала пристроиться туда, где ее больше никто не побеспокоит прогулками по коридорам.

– Филипп, я ценю ваше желание провести экскурсию, но уже достаточно близко познакомилась с «Сиалом». Ближе, чем хотелось бы. И нам с ним стоит друг от друга немного отдохнуть. Особенно от меня устали его коридоры.

– Другими словами, вы заблудились, – резюмировал он серьезно. Но как-то по-особенному серьезно, словно с трудом сдерживал смех.

– Вы удивительно проницательны, – чинно кивнула я.

– По дороге к родственникам или на обратном пути?

Вот ведь въедливый!

– Но не в тот момент, когда уточняете подробности, – заметила я. – И коль теперь вы почти все знаете о моем позоре...

– Вы ничего не рассказали.

– Почти все, что следует знать о моем позоре, вы уже знаете, – исправилась я, – поэтому позвольте пережить его, сидя на диване.

– Как я могу отказать вам, леди Торн? – Он взмахнул рукой в пригласительном жесте. – Не стесняйтесь. Кофе?

– Пьете черный? – сморщилась я. – Он же похож на деготь.

– Любите со сливками?

– Предпочитаю цветочный чай. – С видом выпускницы института благородных девиц я присела на краешек дивана, потом поерзала и отъехала поглубже. Ни ноющей пояснице, ни свинцовым ногам необходимость держать спину ровно не помогала.

– Раз уж вы и полосатые панталоны видели, и о позоре знаете, давайте совсем не будем стесняться. Посидеть мне мало, очень хочется полежать. – Шустренько скинув туфли, я с удовольствием растянулась на мягких подушках. – Эти коридоры меня уходили, как дракона крутые склоны.

По-моему, этот диван – лучшее, что случилось со мной с брачного обряда. Лежать на нем в неудобной позе натурщицы было настоящим преступлением против всех постояльцев, сегодняшним днем желавших своровать со стены схему замковой планировки. Окончательно отбросив смущение, я подложила под голову маленькую бархатную подушечку, с удовольствием распрямила колени и блаженно прикрыла глаза.

– Кстати, Тереза, – проговорил Филипп в тишине, отчего-то желая превратить нашу безмолвную компанию в беспрерывно что-то обсуждающую. – Когда вы забываетесь, выходите из образа милой дурочки.

– Часто? – несколько не смутившись, спросила я.

– Весьма.

– Значит, можно больше не притворяться? От внезапных улыбок у меня сводит челюсть.

– Буду благодарен, – с иронией отозвался Филипп. – Никогда не любил глупых женщин.

Лидию хватил бы удар, услышь она это признание от мужчины, которого считала эталоном всех своих женских надежд и чаяний. Он буквально опроверг все, во что она свято верила.

Проснулась я дивно отдохнувшая. На широкой кровати со столбиками, в спальне, утопающей в темноте. И не помнила, как переместилась с дивана на удобное ложе. Дверь была заботливо прикрыта. В недоумении влезла в домашние туфли, аккуратно пристроенные возле кровати, и выглянула из комнаты.

В номере было тихо. Подумалось, что Филипп отправился на дегустацию каких-нибудь благородных вин или просто захотел пообщаться со старыми приятелями, так сказать, поделиться семейным опытом. Пусть не особо богатым, но точно ярким.

– Добрый вечера, Тереза, – прозвучал в гостиной вкрадчивый мужнин голос, когда я преспокойненько пошатывалась в сторону ванной.

Видимо, приятелей, готовых продегустировать вместе с мужем благородные напитки, а заодно дать парочку чисто мужских советов по укрощению жен, не нашлось. Или их просто не было. Несчастный он, в таком случае, человек.

– Добрый вечер, Филипп, – отозвалась я. Хотелось бы сказать, что певуче, но нет: ото сна проскрипела, словно в горле прокрутились несмазанные шестеренки.

– Хорошо выспались?

В общем, дать мне умыться он никак не желал. Пришлось явить себя в натуральном виде: заспанную и с растрепанными волосами. Пусть любит, раз не понимает, что благоверная не успела подружиться с зеркалом.

Гостиная была озарена приглушенным светом. Филипп словно и не вставал с дивана, но на столике высилась внушительная стопка кожаных папок для документов. Правда, читал он не документы, а свежий номер «Вестника».

Очень хотелось попросить газету никуда не девать, оставить и супруге ознакомиться с тем, что в мире происходит. Люблю, знаете ли, быть в курсе последних событий. Но вместо этого спросила, как и полагается примерной жене, а не активистке из общества защиты магических тварей в дикой природе:

- Вы проработали весь день?
- Сходил в атлетический зал на тренировку.
- Бег? – ляпнула я первое, что пришло в голову.
- Бокс.

Так и знала! Трусил бы он мирно по дорожкам, а потом расслабленно улыбался на любую глупость. Держи карман шире! Без бутылочки с успокоительным в этом случае не протянул бы и дня.

- Почему вы не разбудили меня к обеду?
- Проголодались?

Есть действительно хотелось. В отличие от совести, обязанной терзать за пропущенную встречу с мадам Торн, голод проснулся вместе со мной.

– Я пропустила встречу с вашей теткой, – пояснила ему. – Вышло неловко. Надо было разбудить.

– Вы сказали, что во сне человек есть не хочет. Я был с вами полностью солидарен.
– Но вы хотя бы уважили мадам Торн? – осторожно уточнила я.
– На растерзание была отдана Лидия, – неожиданно с доброй долей юмора отозвался он. – Полагаете, мы должны ей подарить что-нибудь ценное?

– Лучше порошки от несварения, – вырвалось у меня, но тут же длинный язык захотелось прикусить. – Не поймите меня неправильно. Ваша тетка – прекрасная женщина и замечательный собеседник...

– Она невыносима.
– Согласна, – сдалась я. Удивительно, но в том, что касается Марджери, мы были в полной гармонии. – В спальню я перенеслась своими ногами?
– Моими руками, – поправил Филипп, откладывая газету.
– То есть вы меня перенесли?
– Чужим рукам я не доверил бы супругу. – В его взгляде вспыхнула подозрительная улыбочка. – Если вам станет легче, даже во сне вы сопротивлялись.

Видимо, сопротивлялась громко, иначе не ухмылялся бы. Я вообще становилась коварной и нетерпимой, когда дело касалось пробуждения. В бессознательном состоянии и врала красиво, лишь бы с кровати не подняли, и ругалась... не очень красиво.

– В этот момент моя речь была изящной? – смущенно уточнила я.
– Вы называли меня отвратительным типом, лапающим чужих жен, – невозмутимо ответил Филипп. – Не помните?

– Нет, – вынужденно призналась я. – Но звучит довольно прилично.
– Это был вольный перевод.
– Мне жаль. Я неустанно борюсь с этой темной стороной своей натуры, – покаялась я.
Хотя, будем честны, каяться в том, чего не помнишь, глупо и несправедливо. Однако леди Торн совершенно точно не имела права выдавать ядреные фразочки, даже если она в бессознательном состоянии.

– Вам не жаль, – хмыкнул он.

– Ладно, вы правы. Мне совершенно не жаль, но, прошу заметить, я проявила высокие моральные принципы.

– Вы цеплялись за мою шею и прижимались к груди, – принялся Филипп дразнить явно из любопытства, сумеет ли супруга вывернуться из словесной ловушки.

Пф! Он же не ходил на занятия к моему преподавателю по изящным манерам и этикету. Вот где любое, даже самое приличное, слово оборачивалось против говорящего!

– Никто не контролирует себя во сне. – Дернула плечом и заработала выразительный взгляд. – Разве что вы, дорогой супруг. Зато я прекрасно выпалась и понятия не имею, как уснуть ночью. Разве что вы мне дадите на ночь почитать «Вестник». Он сегодняшний?

В комнате стало очень тихо. Мы с Филиппом встретились глазами. Очевидно, сегодня он спать не планировал и дать супруге почитать газетку – тоже. Может, глубоко за полночь. Однако потом мне захочется прикрыться «Вестником», а не вчитаться в новостные колонки. Да и сами новости будут уже не первой свежести...

К утру в мире произойдет много разных событий. Например, мы выполним супружеский долг перед родом Торнов. Если подумать, неплохая новость, учитывая, что попытка – вторая. К счастью, о ней никогда не напишут в газете.

– Выйдем на ужин в ресторан? – кашлянув от смущения, быстро спросила я. – Приведу себя в порядок и буду готова через полчаса. Хорошо?

– Я заказал ужин в номер, – тихо произнес он.

– Значит, через десять минут, – промычала в ответ.

Умыться-то и расчесаться все равно надо. Наверное, еще и кружевную сорочку надеть. Для создания правильного настроения.

– Не трус. – Подбадривая себя, я вытащила из ящика ту самую сорочку. – Сдавать экзамены тоже страшно.

Интересно, первую брачную ночь можно сравнить с экзаменом? Вряд ли, конечно. Это же не проверка на навыки профессиональной жены, прости господи.

С суровой миной я решительно вытряхнулась из одежды, и на ковер с глухим стуком из кармана выпал припрятанный флакон. Пришлось поднять. Невольно проверила маслянистое содержимое на свет.

Может... чем демон не шутит?

Пробка легко вышла из узкого горлышка. Я принялась к «лекарству от досадных промахов», но оно ровным счетом ничем не пахло. Хотя сейчас капай в напиток и хлебай, пока в глазах не потемнеет.

Вдруг перед мысленным взором появилась очень странная сцена. Напринимавшись чудодейственного эликсира, я карабкаюсь на стол и ползу на коленках в сторону опешившего мужа. На пол со звоном летят бокалы, посуда и одна туфля с высоченной острой шпилькой. А потом я падаю замертво. Прямо на столе. Лицом в тарелку с салатом, стоящую перед Филиппом.

Даже вздрогнула!

– Господи, о чем ты думаешь, Тереза? – пробормотала под нос и, поскорее заткнув афродизиах пробкой, спрятала флакон обратно в карман платья.

Облачившись в длинную кружевную сорочку из тончайшего кружева, я подошла к зеркалу и снова вздрогнула. Зря постеснялась примерить сразу после того, как получила коробку от модистки. Одежду придумали, чтобы скрывать все, что должно быть скрыто, но этот наряд для новобрачной к такой категории явно не относился. Ни стежка пуританской сдержанности! Сплошная паутинка на всех местах, которые приличные женщины держат в зрительной недоступности.

Помнится, моя соседка по комнате Вирена, та, что с шелковыми простынями, утверждала, дескать, мужчину надо интриговать и заставлять фантазировать. Да-да, фантазия – луч-

ший афродизиак, а не тот, что мне вручила тетушка. Но позвольте! Как в этой сорочке устроить полет воображения? Тут для разгона-то места нет.

– Кто же шьет такую... развратную одежду? – искренне возмутилась я и вернулась в гардеробную за любимым халатом.

Надела его, как суровый воинский доспех. Плотно затянула пояс и тут же, крикнув, спустила узел. Иначе грохнусь в тарелку с салатом от нехватки воздуха.

Как и накануне, в обещанные десять минут я не уложилась. Вышла в гостиную и притормозила в дверном проеме. Стол оказался накрыт к ужину. Горели свечи, а из серебряного ведерка торчала бутылка игристого вина.

Муж стоял, сунув руки в карманы и повернувшись к окну.

– Филипп, – позвала я негромко.

Он обернулся. Через полумрак взгляд, скользнувший по мне от макушки до пяток, оказался осязаемым. Невольно я обтерла влажные ладони о халат.

– Леди Торн... – неожиданно перешел он на официоз и отодвинул для меня стул, приглашая к столу.

Я присела и глянула на горку овощей в тарелке. По краям лежали креветки, где-то затерялась крошечная картофелина в мундире.

– Посчитал, что легкий ужин будет к месту, – пояснил муж, устраиваясь напротив меня, и вытащил из ведерка бутылку: – Вина?

Едва я раскрыла рот, намереваясь объявить, что не люблю алкоголь и предпочитаю ясную голову, как в двери постучались.

– Заказ в номер, – слышалось из коридора.

Мы с Филиппом недоуменно переглянулись.

– Я ничего не заказывала, – быстро отказалась от авторства.

Одним щелчком пальцев муж зажег лампу и заставил дверь медленно распахнуться. От потянувшего сквозняка свечи истерично замерцали и потухли. В дверном проеме, широко и выразительно улыбаясь, стоял Роджер, распорядитель гостевого дома.

– Добрый вечер, – поприветствовал он и кому-то махнул рукой.

Подавальщик в кипенно-белой рубашке и в черном фартуке ввез в номер тележку, заставленную тарелками. Второй тащил ведерко, из которого высывалось бутылочное горлышко.

– Госпожа Торн настоятельно просила передать, что желает вам приятного аппетита, – объявил Роджер.

Вокруг нас началось бурное движение. Тарелки оказались сдвинуты. В центр встали два блюда, второе ведерко втиснулось рядышком с нашим. Стол был рассчитан персон на шесть, и вся посуда легко поместилась. Это мы с Филиппом не были рассчитаны на трапезу в шесть персон.

– Пожалуйста, – пропел Роджер и собственноручно поднял с тарелок серебряные колпаки, скрывающие деликатесы.

Из салатных листьев на меня ненавидяще вытаращился красный омар, обложенный лимонными половинками. Я, в свою очередь, смотрела на него. Злобно-непримиримый носитель клешней пугал меньше, чем крупные улиточные панцири, выложенные дорожкой и глянцево поблескивающие на свету. Если не ошибаюсь, таких заводили в аквариумах, а нам предлагали съесть. Экзотического домашнего питомца. И не одного – целый выводок улиток.

– Хорошего вечера, господа, – пожелал Роджер, кажется, не обратив внимания, что господа потрясенно молчали, пока им устраивали на столе пиршество для гурманов.

Вся команда вышла из номера. С собой они утащили канделябр со свечами, никак не вписавшийся в новую сервировку.

Стало очень тихо. Омар смотрел волком, давая понять, что без боя не отдаст ни одной клешни. Я понятия не имела, что ели у омара. Может, его поставили только для красоты.

– Поужинаем? – нервно предложила я и взялась за приборы.

– Вина? – вновь повторил Филипп, вытаскивая бутылку из ведерка, а потом и пробку из длинного горлышка.

– Нет, благодарю, но вы себе не отказывайте.

Не успел он плеснуть игристый напиток в фужер, как раздался стук в дверь. Без преувеличений, я вздрогнула и со звоном уронила в тарелку только-только сжатую вилку.

– Заказ в номер, – послышалось из коридора.

У меня дернулся глаз.

– Филипп, давайте сделаем вид, что нас нет, – громким шепотом предложила я.

Стук повторился. В нем ощущались решительность и настойчивость человека, задавшего целью прорваться внутрь, даже если дверь заперта на засов.

Муж с чувством пихнул бутылку обратно на дно серебряной посуды. Через край высыпалась горсть ледяной крошки и попала на тарелку с улитками. Когда кристаллы растают, они смогут уплыть. Полагаю, омар им завидовал.

Когда Филипп лично открывал, то внешне ничего в нем не намекало на раздражение. Он был спокойным, как океан. Перед большой бурей. Не дай бог, кто-нибудь еще к нам заявится и предложит еду. Например, привезенные из Энтила орешки на фарфоровой тарелке. Всех точно смочит девятым валом.

– Добрый вечер, господин Торн, – с улыбкой поздоровался незнакомый подавальщик. – Доставка ужина в номер.

Господин Торн подвинулся в дверях, и к нам вкатили очередную тележку, заставленную блюдами. Были здесь и ведерко с игристым вином, и этажерка с пирожными.

– Госпожа Вудсток просила передать вам наиприятнейшего аппетита и превосходнейшего вечера, – объявил слуга.

Здравый смысл подсказывал, что тетка была щедра вовсе не за свой счет, а потому не поскромничала. Блюда кое-как влезли на стол. Ведерко заняло место рядом с двумя точно такими же. Наш ужин становился чуднее и разнообразнее с каждой минутой.

– Манго и драконий фрукт для леди Торн, – пояснил подавальщик, подставляя мне под локоть тарелку с тонкими пластинками оранжевого цвета и белыми кубиками подозрительной мякоти с мелкими черными точками. Ни того, ни другого я никогда не ела и сегодняшним вечером не собиралась начинать.

Подавальщик замер с этажеркой сладостей в руках, орлиным взором окинул заставленный стол и нацелился втиснуть ее к омару. Хорошо, если не вместо омара и не поверх него.

– Поставьте на подоконник, – предложил Филипп.

Его спокойствие нервировало меня, пожалуй, больше, чем омара перспектива быть разобраным на составляющие части.

Теперь у нас на подоконнике поселилась этажерка с разноцветными воздушными сладостями. Осталось налить в мисочку молочка – и можно приглашать домашнего. Хотя нет, постойте! Не надо больше гостей! Брачная ночь не подразумевает никого, кто мог бы держать свечку... С другой стороны, свечи у нас стащили предыдущие посланцы с дарами.

– Хорошего вечера, – пожелал подавальщик и, получив от Филиппа чаевые, быстро выкатил опустевшую тележку.

В обалдении я разглядывала ломившийся стол. Легкий ужин, прелюдия к десерту, который, в сущности, являлся основным блюдом, превратился в банкет. На крайне большую и голодную компанию. Видимо, из добрых побуждений родственники хотели накормить нас досыта, но казалось, будто до смерти.

– Вина? – очередной раз предложил Филипп, приближаясь к столу.

– Будьте любезны, – тихо согласилась я, просто не способная в ясном рассудке и твердой памяти пережить вот это все. Этажерку с пирожными, омара, улиток и десяток тарелок с разной

снедью, способной вызвать несварение одним своим количеством. Мне вчерашнего пиршества за глаза хватило. Ей-богу, наелась не до горла, а до глаз.

Муж наполнил фужеры. Я ждала, когда он скажет какой-нибудь тост, но аристократы до плебейских замашек за столом, должно быть, не опускались. Филипп просто сделал глоток и, разглядывая на свет играющие за хрустальными стенками пузырьки, одобритительно кивнул:

– Неплохо.

Я чуточку пригубила восхваленный напиток. На вкус оказалось страшной кислотинной, не скривилась только из вежливости. Острые, как иголки, пузырьки почему-то били в нос, а не в голову. Видимо, промахивались.

Немедленно захотелось закусить чем угодно, но к вилке было страшно прикоснуться. Каждый раз, когда в моих руках оказывались столовые приборы, обязательно кто-нибудь стучался дверь. Не хотелось рисковать, зато искренне хотелось верить, что родственники не подтянутся к нам следом за собственными гостинцами.

– Филипп, не удивляйтесь, когда вам придет счет за ужин, – очень серьезно предупредила я.

Он бросил насмешливый взгляд над краем хрустального бокала.

– Уверяю, дорогая супруга, удивляться я перестал еще вчера.

– И счет за дегустацию благородных вин.

– У нас банкет, а не дегустация. – Филипп обвел фужером теснившиеся на столе лакомства.

– Днем у вас была дегустация.

– Мне понравилось?

– Не знаю, как вам, а Рендел выглядел довольным. Даже трость отдал. – Я неопределенно кивнула в сторону стойки для зонтов, где строго вертикально стояла дядюшкина трость.

– Чтобы ничего не побить после благородных вин? – кажется, развеселился он.

– Чтобы не побили его, – со вздохом намекнула я на варварские порядки в семье Вудстоков, где «лучшая половина Рендела» держала в страхе всех безответных жителей дома. И даже олени рога над камином, которые все время грозились выкинуть.

Филипп расслабленно откинулся на спинку стула, повертел в руках бокал с остатками вина и вкрадчиво уронил:

– Покажи.

Мы встретились глазами. Его темный взгляд как будто обжег. Дыхание перехватило.

– Что? – с трудом шевельнулись мои губы.

– То, что ты прячешь под своим монашеским одеянием.

Глава 4

Банкет с десертом

На залитую магическим светом гостиную опустилась глубокая тишина. Воздух мгновенно сгустился от возникшего незнакомого напряжения. Сердце ударилось о ребра и тяжело заколотило в груди, словно перед самой остановкой.

Филипп отставил бокал и поднялся одним плавным, как будто хищным движением. Нервно теребя халат, я следила, как он приближается, расслабленно и уверенно, без колебаний. Не сводя с меня выжидательного взгляда, протянул раскрытую ладонь.

У него были красивые руки и четкая длинная линия жизни. Филипп не носил перстней, на крепком запястье блеснул край золотого браслета – недвусмысленного намека, что муж в своем праве абсолютно на все, что связывало супругов.

– Тереза? – в его тихом голосе просквозила властность.

Глубоко вздохнув, словно перед прыжком в ледяную воду, я вложила нервные пальцы в его руку и заставила себя подняться.

Необъяснимым образом Филипп заполнял собой все пространство вокруг нас. Наверное, погасил бы солнце, свети оно в окно. Однако в номере горели магические огни, и их отчаянно хотелось притушить. Разве приличные люди занимаются такими вещами при полной иллюминации?

Не разрывая зрительного контакта, он потянул за пояс халата, вынудив сделать крошечный шагочек навстречу. Нас разделило столь ничтожное расстояние, что можно было легко почувствовать, как от его одежды исходит аромат мужского одеколона. Аристократически-холодного, с головокружительной тонкой кислинкой.

Филипп был способен легко распутать стянутый на поясе узел, но он не торопился: развязывал с оттяжкой, усугубляя возникшее напряжение. Медленно забрался пальцами под халат и скользящим движением спустил покров с моих плеч. Скромный «доспех» с тихим шелестом соскользнул на пол, обнаружив кружевное развратное непотребство. Инстинктивно захотелось прикрыть почти обнаженную грудь, но я стояла не шевелясь. Оцепенелая и плененная волею, тяжелым взглядом.

На краю взъерошенного сознания вдруг мелькнула дурацкая мысль, что, должно быть, подношение тетюшки Клементины было не так чтобы очень невинно. Сдается, она подстраховалась: выудила из заначки еще одну бутылочку афродизиака и, точно рассчитав капли, помогла зятю разобраться, кто в нашем королевстве самая желанная для него женщина. По крайней мере, сегодняшним вечером.

– Филипп... – едва слышно прошептала я, готовая попросить сделать свет, вдруг ставший пронзительным, чуточку глуше.

– Не бойся меня, Тереза, – тихо проронил он.

– Я не боюсь вас.

Сейчас, без защитного слоя из плотной ткани, едва прикрытая кружевом, я чувствовала себя потрясающе... пугающе обнаженной.

– Ты снова в ужасе.

– Для меня все это впервые.

– Знаю, – прошептал он, скользя ладонями по моей талии и склоняясь к шее, – поэтому я женился на тебе.

Мягкие губы оставили на коже обжигающий след. Невольно я опустила голову, открывая шею для чувственных поцелуев. Внутри разливалась сладкая нега, колени превратились в желе.

Стараясь устоять и не осесть на пол, вцепилась в его свитер. Бог мой, если именно так отдавался супружеский долг, то, пожалуй, я уже согласна отдать даже то, что вообще не должна.

Неожиданно одним плавным движением Филипп подхватил меня на руки. Комната качнулась перед глазами. Я смотрела в лицо мужа, почему-то ужасно серьезное, даже сосредоточенное. Думала, что прямо сейчас мы отправимся в спальню, но он двинулся в сторону дивана.

Неожиданный, признаться, маршрут. Я-то почти приготовилась выяснить, какие на ощупь шелковые простыни, если к ним прижиматься голой спиной. Да и вообще узнать, какими простынями застелено супружеское ложе. Однако мне предложили предаваться семейному разврату в компании омара, все еще пучившего черные глаза-бусины в компании уползающих на тот свет улиток.

Филипп изящно опустил меня на подушки, словно всю жизнь только этим и занимался: раскладывал женщин на диванах. Он быстро стянул свитер, невольно продемонстрировав гладкий подтянутый торс с аккуратными, а не резкими, мускулами живота. Упершись руками, навис надо мной. На руках напряглись мускулы. Хотелось к ним прикоснуться кончиками пальцев, но я не решилась.

Хищным взглядом он исследовал все, что открывало тонкое кружево. Мог бы и в глаза посмотреть, но, похоже, в моменты страсти то, что прилагалось к женской голове, мужчинам было куда интереснее.

– Погасите свет, – прошелестела я, не справившись с несвоевременным приступом скромности.

– Нет. Я хочу видеть, что днем скрывают твои скромные платья, – с хрипотцой протянул он и начал медленно склоняться.

Губы неизбежно приближались к губам. Даже не верилось, что спустя двое суток после венчания у нас наконец случится не только раздача супружеских долгов, но и первый супружеский поцелуй! Я прикрыла глаза, замерев в предвкушении страстного, чувственного прикосновения. Сравнить мне было не с чем, но уверена, что муж целовался божественно...

Внезапно он рухнул сверху, как мешок картошки, словно резко потерял сознание. Из груди у меня выбило почти весь воздух, а из горла вырвалось непотребное кряканье. Я резко открыла глаза и просипела, постучав его пальцем по плечу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.